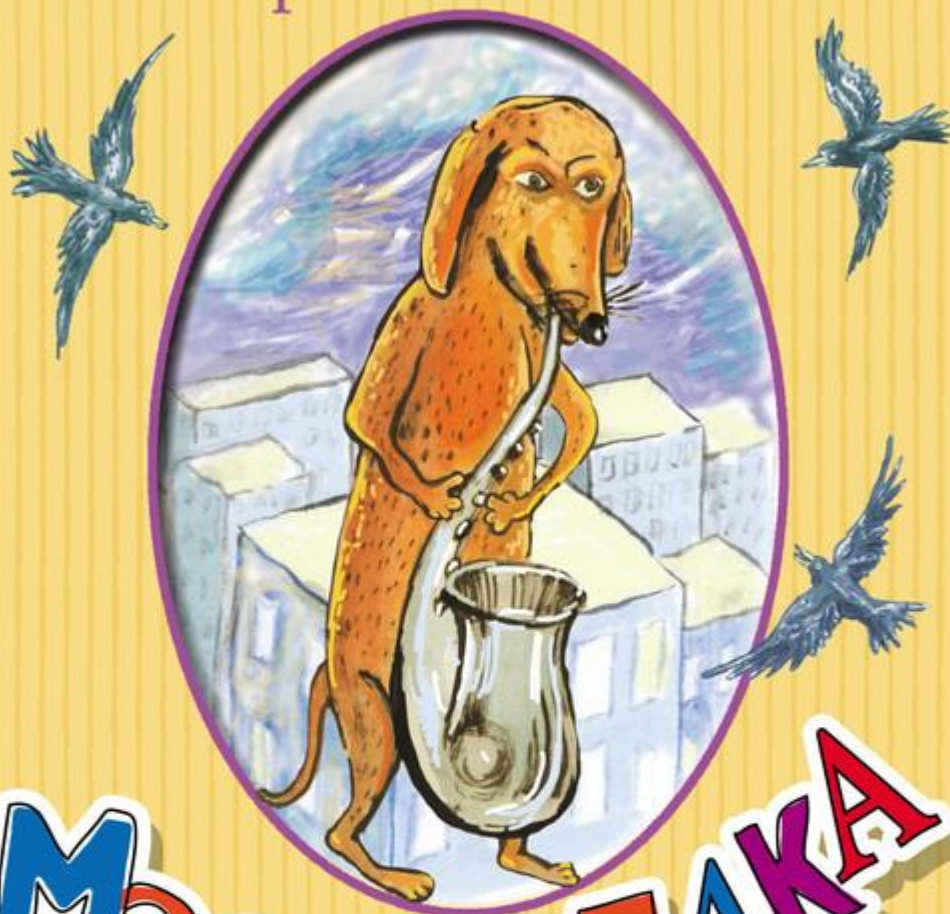

ВЕСЁЛЫЕ
ИСТОРИИ

Марина Москвина

Моя собака
любит джаз

Марина Москвина «Моя собака любит джаз»

Осень моего лета

Я люблю утро первого сентября. Когда приходит пора идти в школу. Мама с папой всегда осыпают меня подарками. В этот раз они купили мне фонарик и торжественно преподнесли со словами, что ученье — это свет! Папа также вручил набор юного слесаря и сказал такую фразу, что труд сделал из обезьяны человека.

Еще папа купил мне хорошего Шварценеггера — его портрет, где он — с одним выпученным глазом.

— Кумиры есть кумиры, — сказал папа, — надо же курить им фимиам.

А мама — ботинки остроносые, тряпичные, в каких только ходят толстые тети. Я надел, а они оказались пришиты друг к другу суровой ниткой. Папа разрезал нитку ножницами и сказал

— Ну, широким шагом в пятый класс!

Тут вдруг выяснилось, что мама не удлинила мне школьные брюки. И за минуту до выхода я стоял у двери, как говорится, в «брючках дудочкой и по колено». Плюс ослепительно белая рубашка с желтым пятном на груди. Это мой родной двоюродный брат Рома вечно все испакостит, а потом мне дает.

Носки у меня полосатые, как у клоуна, хотя мой любимый цвет серый, черный и коричневый.

— Черт, что ж это несчастья все меня преследуют? — говорю я.

— Да ладно тебе, — говорит папа, — на одежду внимание обращать! Не мужское это дело.

И дал мне букет увядших георгин — он их заблаговременно приобрел поза-позавчера. И как раз сегодня они завяли.

— Ну и ну, — говорю, — у тебя, пап, я вижу, нервов нету. Оказался бы на моем месте.

— Нет, — сказал папа, — не хочу я на твоём месте, не хочу быть десятилетним. Подростал-подростал...

Один Кит меня понимает. Он, конечно, отправился вместе с нами.

У подъезда нас ждал Рубен. Его папа Армен вообще не купил никакого букета, поэтому Рубен нес в подарок учителю чучело ежа.

— Он жил-жил, — решил объясниться Рубен, чтоб никто не подумал, что это он его укокошил, — жил-жил, а потом состарился и умер. Своей смертью.

— Ну, Рубен, — говорит моя мама, — замолчи, не терзай нам сердце.

А Кит страшно разволновался, увидев ежа. Он, наверное, подумал, что еж — это кошка. Он всех кошек гоняет, охотится. Наверное, думает, что это соболи или хорьки.

Рубен говорит:

— Андрюха! У тебя ботинки, как у Ломоносова. Ломоносов идет в школу учиться.

У Рубена хорошо с ботинками, его мама любит ходить в обувной магазин. А моя мама не любит. Она говорит:

— Я не создана для того, чтобы ходить в обувной магазин.

— А для чего же ты создана? — спрашиваем мы с папой.

— А ни для чего! — отвечает она. — Меня ни для чего невозможно приспособить.

Идем. Тучи разогнало, солнце золотое, небо синее-синее. Как я люблю праздник Первого сентября! На школьном дворе играет веселая музыка — так дух поднимает! Старые лысые десятиклассники жмут друг другу руки. Все наши в сборе — Вадик Хруль, Сеня — узенькие глазки, Фалилеев, который в любую непогоду ходит без шапки в расстегнутой куртке. И никто ему не скажет:

— Запахни куртку, Фалилей!

Все очень раздалось вширь, вымахали. Жаль, нас не видит наш учитель по физкультуре. Это был настоящий учитель. Он так многому нас научил. От него мы узнали, что лучший в мире запах — это запах спортзала. А самая лучшая радость — это радость мышечная. Самая большая мечта у него была — пройти вместе с классом по Красной площади: все с лентами, флагами, обручами, впереди он в широких белых штанах, в майке, а на груди написано «Динамо», и его воспитанники сзади идут. В этом году он бросил школу и ушел в разбойники.

Остальные все в сборе наши любимые учителя.

Трудовик Витя Паничкин в черном костюме. Рукава прикрывают его мозолистые кисти рук. Он всю жизнь полирует указки. Сам и вытачивает, и обтачивает, и шлифует. О его жизни мы знаем очень мало. Знаем только одно: когда Вите проверили ультразвуком сердце, у него сердце оказалось, как высохший лимон.

Виталий Павлович по русскому и литературе. Учитель, что называется, от бога, весь в черных волосиках с головы до пят. Возит нас каждый год на экскурсию на Лобное место. Чтобы мы знали и любили историю нашей страны.

Что это там за маленькая клетчатая тетечка? А, это англичанка!

— Уйдите с собакой! — кричит она моей маме с Китом. — Дети и собака — вещи не совместные! Как гений и злодейство!

Она добрая, но строгая, и очень некультурная. «The table, the table», а сама в носу ковыряет. Весь нос искрутила. А все на нее серьезно смотрят. И в кабинете английском

всегда чем-то пахнет — то ли кислым арбузом, то ли тухлым помидором. Невозможно сидеть! А она окно не открывает, хотя на улице теплень...

Люблю праздник Первого сентября! Море цветов, чучело ежа... Приветственные речи!

— Дорогие дети! Пусть школа будет для нас родным домом.

— Дорогие родители! Ваши дети в надежных руках!

— Дорогие первоклассники! Сейчас звонок зальется, смолкнут голоса, и у вас, малыши, начнется жизни новая полоса!

— Дорогие взрослые! Вы знаете, какое сейчас напряжение с вещами! Могут войти посторонние и украсть вещи ваших детей.

— Счастья вам, дорогие друзья!

— Хорошо, да? — спрашивает у меня папа.

— Очень хорошо, — говорю я ему.

— Но вообще-то ты рад, — говорит он, — что мы тебя родили?

— Конечно, — отвечаю, — я вам так за это благодарен.

— Не стоит благодарности, — великодушно говорит папа. И тут я не выдержал и заплакал.

— Ты что? — все меня стали спрашивать. — Чего ты???

А я плакал то, что кончилось лето.

Моя собака любит джаз

Для меня музыка — это все. Только не симфоническая, не «Петя и волк.» Я ее не очень. Я люблю такую, как тогда играл музыкант на золотом саксофоне.

Мы с моим дядей Женей ходили в Дом культуры. Он врач — ухо-горло-нос. Но для него музыка — это все. Когда в Москву приехал один «король джаза» — негр, все стали просить его расписаться на пластинках. А у дяди Жени пластинки не было. Тогда он поднял свитер, и на рубашке фломастером «король джаза» поставил ему автограф.

А что дядя Женя творил на концерте в Доме культуры? Свистел, кричал, аплодировал! А когда вышел музыкант в соломенном шлеме, зеленых носках и красной рубашке, дядя Женя сказал:

— Ну, Андрюха! Толстое время началось.

Я сначала не понял. А как тот отразился, красно-золотой, в черной крышке рояля! Как начал разгуливать по залу и дуть, дуть напропалую в свой саксофон!.. Сразу стало ясно, что это за «толстое» время.

Зрители вошли в такой раж, что позабыли все приличия. Вытащили дудки, давай дудеть, звенеть ключами, стучать ногами, у кого-то с собой был пузырь с горохом!

Музыкант играл как очумевший. А я все хотел и хотел на него смотреть. Там все про меня, в этой музыке. То есть про меня и про мою собаку. У меня такса, его зовут Кит. Я за такую собаку ничего бы не пожалел. Она раз пропала — я чуть с ума не сошел, искал.

— Представляешь? — говорит дядя Женя. — Он эту музыку прямо на ходу сочиняет. Все «от фонаря». Лепит что попало!

Вот это по мне. Веселиться на всю катушку. Самое интересное, когда играешь и не знаешь, что будет дальше. Мы с Китом тоже — я бренчу на гитаре и пою, а он лает и подвываает. Все без слов — зачем нам с Китом слова?

— И у меня были задатки, но их не развивали, — сказал дядя Женя.

Он стоял в очках, в галстук, с портфелем-дипломатом.

— Я в школе, — говорит, — считался неплохим горнистом. Я мог бы войти в первую десятку страны по трубе.

— А может, и в первую пятерку, — сказал я.

— Ив первую тридцатку мира!

— А может, и в двадцатку, — сказал я.

— А стал простой, ухо-горло-нос.

— Не надо об этом, — сказал я.

— Андрюха! — вскричал дядя Женя. — Ты молодой! Учись джазу! Я все прошляпил. А тебя ждет необыкновенная судьба. Здесь, в Доме культуры, есть такая студия.

Дядино мнение совпадало с моим: джаз — подходящее дело. Но вот в чем загвоздка — я не могу петь один. Неважно кто, даже муха своим жужжанием может скрасить мое одиночество. А что говорить о Ките? Для Кита пение — все! Поэтому я взял его с собой на прослушивание.

Кит съел полностью колбасу из холодильника и шагал в чудесном настроении. Сколько песен в нас с ним бушевало, сколько надежд!..

В Доме культуры навстречу нам шел вчерашний музыкант без саксофона, с чашкой воды. Он наклонился и дружески похлопал Кита по спине. При этом у него из кармана выпал пакетик чая с ниткой*.

Кит дико не любил, когда его так похлопывают, но от музыканта стерпел. Правда, мигом уничтожил пакетик чая. Он вообще все всегда поедал на своем пути. Но делал это не злобно, а жизнерадостно. Я спросил:

— Где тут принимают в джаз?

— Прослушивание в третьей комнате, — ответил музыкант.

На двери висела табличка: «Зав. уч. частью Наина Петровна Шпорина». Я постучал. Я так волновался раз в жизни, когда Кит изжевал и проглотил галошу. Я чуть с ума не сошел, все думал: переварит он ее или нет?

Стройная красавица с длинным носом сидела у пианино и выжидательно глядела на нас с Китом.

— Я хочу в джаз!

Я выпалил это громко и ясно, чтобы не подумали, что я мямля. Но Наина Петровна указала мне на плакат. Там было написано: «Говори вполголоса».

А я не могу вполголоса. И я не люблю не звенеть ложкой в чае, когда размешиваю сахар. Приходится себя сдерживать, а я этого не могу.

— Собаку нельзя, — сказала Наина Петровна.

— Кит любит джаз, — говорю. — Мы поем с ним вдвоем.

— Собаку нельзя, — сказала Наина Петровна.

Вся радость улетучилась, когда я закрыл дверь перед носом у Кита. Но необыкновенная судьба, которую прошляпил дядя Женя, ждала меня. Я сел на стул и взял в руки гитару.

Мне нравится петь. И я хочу петь. Я буду, хочу, я хочу хотеть! Держитесь, Наина Петровна — «говори вполголоса, двигайся вполсилы!»! Сейчас вы огромное испытаете потрясение!..

Наина стояла, как статуя командора, и я не мог начать, хоть ты тресни! Чтобы не молчать, я издал звук бьющейся тарелки, льющейся воды и комканья газеты...

— Стоп! — сказала Наина Петровна.

Руки у нее были холодные, как у мороженщицы.

— «Во по-ле бе-ре-зка сто-я-ла...» — спела она и сыграла одним пальцем. — Повтори.

— «Во по-ле бе-ре...»

— Стоп, — сказала Наина Петровна. — Утебя слуха нет. Ты неходишь.

Кит чуть не умер от радости, когда меня увидел.

«Ну?! Андрюха? Джаз? Да?!» — всем своим видом говорил он и колотил хвостом.

Дома я позвонил дяде Жене.

— У меня нет слуха, — говорю. — Я не подхожу.

— Слух! — сказал дядя Женя с презрением. — Слух — ничто. Ты не можешь повторить чужую мелодию. Ты поешь, как НИКТО НИКОГДА до тебя не пел. Это и есть настоящая одаренность. Джаз! — сказал дядя Женя с восторгом. — Джаз — не музыка. Джаз — это состояние души.

— «Во по-ле бе-ре-зка сто-я-ла...» — запела, положив трубку. — «Во по-о-ле...»

Я извлек из гитары квакающий звук. Взвыл Кит. На этом фоне я изобразил тиканье часов, клич самца-горбыля, крики чаек. Кит — гудок паровоза и гудок парохода. Он знал, как поднять мой ослабевший дух. А я вспомнил, до чего был жуткий мороз, когда мы с Китом выбрали друг друга на Птичьем рынке.

— «ВО ПО-ЛЕ!!!»

Из мухи радости мы раздули такого слона, что с кухни примчалась бабушка.

— Умолкните, — кричит, — балбесы!

НО ПЕСНЯ ПОШЛА, и мы не могли ее не петь.

...Дядя Женя удалял больному гланды. И вдруг услышал джаз.

— Джаз передают! — воскликнул он. — Сестра! Сделайте погромче!

— Но у нас нет радио! — ответила медсестра.

...Вчерашний музыкант заваривал новый пакетик чая, когда ему в голову пришла отчаянная мысль: сыграть «горячее» соло на саксофоне под паровозный, нет, лучше пароходный гудок!!!

...А в Новом Орлеане «король джаза» — негр — ну просто совершенно неожиданно для себя хриплым голосом запел:

— «Во по-ле березка стояла! Во поле кудрявая стояла!..»

И весь Новый Орлеан разудало грянул:

«Лю-ли, лю-ли; сто-я-ла!!! Лю-ли, лю-ли, сто-я-ла!»

О, швабра, швабра, где моя любовь?

Дине Рубиной

Я сейчас открыл только что — я могу под голову положить ногу.

Я так увлекся этим занятием, даже не заметил, как к нам домой явился учитель по рисованию Василий Васильевич Авдеенко.

— Ваш сын, — услышал я, — на уроке постоянно рисует чудовищ.

— А надо что? — испуганно спросила мама.

— Букет ромашек с васильками, — ответил ей Василий Васильевич. — Я ставил им сухой початок кукурузы, пластмассовые фрукты в блюде, гипсовый шар... Я задавал парад на Красной площади», «уборку урожая», «портрет вождя кубинской революции». А он — чудовищ да чудовищ! У вас благополучная семья?

— Благополучная, — сказала мама.

— А Антонов — желанный ребенок?

— Желанный, — сказала мама. — Да вы проходите! Мы как раз садимся обедать.

Сидим: я, папа, Василий Васильевич — и ждем. Ждать маминого обеда можно сутки.

Папа говорит:

— Люся, Люся! Мы не такие долгожители, чтобы тратить четыре часа на обед...

— Холодная закуска! — объявила мама. — Салат с крабовыми палочками. Кто-то крабовые палочки выел, — предупредила она. — Остался один лук.

Перешли к супу. Папа съел три ложки и закричал:

— Фу! Не могу есть такой суп. Это похоже на национальное блюдо, только неизвестно, какой нации.

— Если вы будете меня критиковать, — обиделась мама, — я засну летаргическим сном. Буду лежать и спать и ничего не делать по хозяйству. А ты, Михаил, ни на ком не сможешь жениться, ведь я-то буду жива!..

На второе она приготовила курицу. Курица у нее вся в перьях. Тушеная курица в очень больших перьях.

— Все! — закричал папа. — Вожделение сменилось отвращением. Тут можно с голоду умереть среди еды. Кстати, мой папа развелся с моей мамой только из-за того, что она недосаливала!

— Твой папа, — сказала мама, — очень любил отмораживать холодильник.

— Вот он простудился, заболел и умер, — говорит папа.

— Я хочу быть японским отшельником, — сказала мама.

— А я люблю невкусно поесть, — говорю я. — Я приспосабливаюсь к невкусной пище, к плохому воздуху, чтоб если что — я был готов.

— И мне нравится ваша кухня, — вдруг вымолвил Василий Васильевич.

Он казался толстяком среди нас. Мы все суховатые, голубоватого цвета, как бабушки обветшалые.

— Понимаете, — говорит, — люди в пищу стараются употреблять то, что устоялось веками. Русские любят пареное, другие национальности любят рыбу. Но я ценю эксперимент во всем. Даже в такой рискованной области, как кулинария.

— Я тоже так считал, — крикнул папа, — пока у меня фигура не стала, как у какой-то букашки!

— Я тебе изменю меню, — пообещала мама.

— Не слушайте никого, — сказал Василий Васильевич. — Когда человек ест вашу пищу, его ничто не может остановить, даже целящийся из револьвера бандит.

— Да у нее образ жизни грудного ребенка! — крикнул папа.

— Люблю теплый семейный круг, — Василий Васильевич встал из-за стола. — Это немного похоже на рай.

— Я хочу быть старой джазовой певицей, — сказала мама.

Через два дня он позвонил нам по телефону.

— Я простудил шею, — произнес он слабым голосом. — И снаружи. И изнутри. Аспирин!!!

Аспирин!!! Аспирин... — Василий Васильевич пробормотал адрес и повесил трубку.

А мы — я и папа — отправились его навещать. Он встретил нас в полумраке со щетиной на щеках. Окно занавешено. Света не зажег. Картины у него — приключения какого-то Пэрдо, который живет в военных лагерях.

Папа говорит:

— Это вы сами нарисовали?

— Сам.

— Красиво! — сказал папа.

Василий Васильевич пожал ему руку:

— Вы единственный, кто понимает меня, — сказал он.

Папа молча натер ему шею скипидаром. Потом мы немного посидели у окна, глядя, как зажигаются звезды. Я спел им две песни собственного сочинения: «Наша жизнь — сплошная горечь» и «О, швабра, швабра, где моя любовь?»

Василий Васильевич обнял меня и прижал к своей груди.

— Не беда, что ты двоечник, Антонов, — сказал он. — Поэту не нужна математика. Поэту вообще ничего не нужно: все остальное — только заботы — история, природоведение, русский...

Когда мы уходили, папа спросил:

— Вам правда нравится, как готовит моя Люся? Кроме шуток?

— Нет, — ответил Василий Васильевич. — Но я почувствовал к ней такую симпатию! Я никогда не скажу ей ничего неприятного, хотя я очень привередлив в еде.

— Но послушайте, — зашептал папа с горящим взглядом. — Девять лет я прошу ее не резать ножом, который дает ржавый запах. У нее нос не работает совсем, а у меня нюх, как у английского сеттера. Нет, она все равно будет резать вонючим ножом, доводя меня до иступления.

— Тут надо что? — Василий Васильевич сделал огромную паузу. — Унять обоняние.

Вскоре он выздоровел, и мы пригласили его к нам в Уваровку. Еще было только начало сентября, он бродил по огороду, высматривая, как живут в палых листьях жабы, и со счастливой улыбкой в мисочку собирал черноплодную рябину.

— Надо замотаться шарфом, — посоветовал ему папа, — у вас очень шея, Василий Васильевич, уязвимое место.

— Он нарочно терзает нам сердце, — сказала мама и вынесла на крыльцо шарф.

А он сиял и прямо на дереве щупал, не срывая, антоновские яблоки.

— Нет ничего прекраснее, — говорил он, — вида зреющих яблок!

— А зреющих слив? — спрашивал из окна папа.

— Ничего!

— А зреющих груш?

— Тоже нет!

— А камыша в болоте?

— Нет ничего прекраснее всего этого! — отвечал Василий Васильевич.

Потом мы варили картошку и ели ее с чесноком.

— Чеснок я делаю так, — рассказывала мама, — чищу зубы, споласкиваю рот одеколоном, жую чеснок и выкладываю его в готовое блюдо.

— У нас в России, — говорил папа, — люди не самые умные, но самые смелые. — До свиданья, сегодняшний день! — сказал Василий Васильевич на прощанье. — Если б вы знали, как я рад, что вы — вы!

— Еще увидимся! — махнул рукой папа.

Наутро Василий Васильевич, разодевшись в пух и прах, пришел с белою гвоздикой в красной кофте — снегирь на снегу.

— Дорогие мои! — он влюбленными глазами смотрел то на маму, то на папу, то на меня. — Я хочу сделать вам предложение.

— Предложение чего??? — спросил папа.

— Я хочу предложить, — заявил Василий Васильевич, — свою руку и сердце.

— Кому??!

— Вам троим, — говорит он, — мне все тут понравились. Особенно вы, Михаил, — вы такой приветливый, дружелюбный. Я принес вам в подарок хлопчатобумажные носки.

— Милая, родная, — обратился Василий Васильевич к маме. — Вы похожи на этот цветок. А когда вы состаритесь, я куплю вам саксофон. Это будет умопомрачительная картина: маленькая старушка, сухонькая, наяривает на саксофоне...

Повисло астрономическое молчание.

— Но позвольте, Василий Васильевич, — проговорил наконец мой папа. — Есть здравый смысл! И какая-никакая, а честь! У нас абсолютно укомплектованная ячейка!..

— Возможности жизни безграничны, — сказала мама. — Миша! Я поняла: мой идеал мужчин — не только сутулые и долговязые, но также маленькие и шарообразные.

— Вы режете меня без ножа, — простонал папа. — Василий Васильевич художник, он заваяюкает нам всю квартиру.

— Я буду аккуратно! Вот увидите! — просился Василий Васильевич.

— У нас тут что?! — взревел папа. — Львиный прайд? Племя тумбо-юмбо? Василий Васильевич, дорогой, мы с удовольствием встретимся с вами, даже устроим ужин в вашу честь...

— Не надо ужин, — заартачилась мама. — Столько возни!

— Можно же сосиски! — прошептал папа. — Люся! Люся! — воскликнул он. — Я проштрафился? Я говорю тебе мало ласковых слов?

Мама подошла поближе и заглянула ему в лицо.

— Ты мой, — сказала она, — самый лучший, любимый, единственный Миша!

— А он? — грозно спросил папа.

— А он наш единственный Вася!..

— Я умоляю вас, станьте моей семьей, — подхватил Василий Васильевич. — Мы устроим праздник, бразильский карнавал. Мы будем танцевать в набедренных повязках и жечь бенгальские огни. И мы еще увидим небо в алмазах!..

— Возьмем его! — мы с мамой закричали. — Возьмем! — И заплакали.

— Ну ладно, ладно, — сказал папа, — ладно, только не плачьте!

Как здорово мы зажили! Не было никакой неразберихи. Теперь, когда у нас с мамой их стало двое, мы вообще ели один раз в день, но очень плотно и на ночь.

По воскресеньям к нам бабушка приезжала с котлетами.

— А вот и котлеты! — завидев ее, говорил Василий Васильевич.

— Редкий зять, — радовалась бабушка, — так любит свою тещу, как мои Вася и Миша.

Спали они со мной в детской — валетом. Мама к нам зайдет, укроет их, меня посмотрит, поцелует и отправляется к себе.

А как они дружно ходили в магазин!

— Давай мы понесем, — кричали они маме, — все сумки! Все-все-все! Давай все! Иначе зачем тебе мужа?

— Чтобы их любить! — отвечала мама.

— Нет! — кричали они на всю улицу. — Чтобы носить тяжести! А ты будешь нести одни цветы и укроп.

Василий Васильевич настоял, чтобы мы взяли его фамилию и стали Антоновы-Авдеенко. А мой папа поставил условие, чтобы он стал Авдеенко-Антонов. Единственный раз они не поладили, когда Василий Васильевич попросил меня, чтобы я в своей жизни пошел по его стопам.

— Только через мой труп! — сказал папа. — Будет художником — будет жить очень бедно. Лучше пусть идет в армию, обмундирование дадут, бесплатная еда...

Василий Васильевич надулся и долго ни с кем не разговаривал. Наутро, в предрассветной синеве, он разбудил папу.

— Михаил, — недовольно сказал он. — Вы брыкаетесь.

— Тысяча извинений, — забормотал папа. — Мне снилось, что я тону.

За завтраком, между яичницей и чаем, Василий Васильевич объявил, что он уходит в другую семью. Мы чуть не умерли с горя, когда это услышали.

— Василий Васильевич! — сказал папа. — Мы проштрафились? Мы говорим вам мало ласковых слов?

— Я там нужнее, — ответил Василий Васильевич.

Мама плакала. Папа метался из угла в угол, как ягуар.

— Ума не приложу, — говорил он, — неужели невозможно жить одновременно и тут и там?

— Те узнают, будет тарарам, — объяснил ему Василий Васильевич.

— Иногда люди до абсурда доходят своей какой-то негибкостью! — возмутился папа.

О, швабра, швабра, где моя любовь? Расставаясь, Василий Васильевич подарил нам сухой початок кукурузы.

Иллюстрации Аллы Казаковой

Наш мокрый иван

Я вернулся из школы, смотрю: мама сидит грустная около наряженной елки. И говорит:

— Все, Андрюха. Мы теперь одни. Папа меня разлюбил. Он сегодня утром в девять сорок пять полюбил другую женщину.

— Как так? — Я своим ушам не поверил. — Какую другую женщину?!!

— Нашего зубного врача Каракозову, — печально сказала мама. — Когда ему Каракозова зуб вырывала, наш папа Миша почувствовал, что это женщина его мечты.

Вот так раз! Завтра Новый год, день подарков, превращений и чудес, а мой папа отчубучил.

Я боялся взглянуть на мокрого ивана. Это наш цветок — комнатное растение. Он без папы не может ни дня. Как папа исчезает из его поля зрения — в отпуск или в командировку — наш мокрый иван... сбрасывает листья. Стоит с голым прозрачным стволом, пока папа не вернется, — хоть поливай его, хоть удобряй! Не мокрый иван, а голый вася. Иван был мрачнее тучи.

— Уложил в новый чемодан новые вещи, — рассказывала мама, — и говорит: «Не грусти, я с тобой! Одни и те же облака проплывают над нами. Я буду глядеть в окно и думать: «Это же самое облако плывет сейчас над моей Люсей!»

Насчет облаков папа угодил в точку, ведь зубодерша Каракозова жила в соседнем доме, напротив поликлиники. И я, конечно, сразу отправился к нему.

Как можно разлюбить? Кого? Маму??? Бабушку?! Дедушку Сашу?! Да это все равно что я скажу своему псу (у меня такса Кит): «Я разлюбил тебя и полюбил другого — бультерьера!» Кит уж на что умник — даже не поймет, о чем я говорю!

Я позвонил. Открыл мой папа Миша.

— Андрюха! — он обнял меня. — Сынок! Не позабыл отца-то?!

И я тоже его обнял. Я был рад, что его чувства ко мне не ослабели!

Тут вышла Каракозова в наушниках. Такие синие лохматые наушники. Она в них уши греет. В квартире у нее невероятный холод. Сидят здесь с папой, как полярники. Папа весь сине-зеленый.

— Мои отпрыск, — с гордостью сказал о ней, — Андрюха!

А Каракозова:

— Молоток парень! Папа:

— Может, будем обедать? А Каракозова:

— Надо мыть руки перед едой!

Пока мы с папой мыли руки, он мне и говорит:

— Врач Каракозова Надя — веселый, культурный человек. У нее широкий круг интересов. Она шашистка, играет в пинг-понг. Была в шестнадцати туристических походах, пять из них — лодочные!

— Вот здорово! — говорю.

Я сразу вспомнил, как мама однажды сказала: «Андрюха вырастет и от нас уйдет». А папа ответил: «Давайте договоримся: если кто-нибудь из нас от нас уйдет, пусть возьмет нас с собой».

Тут Каракозова внесла запеченную курицу в позе египетского писца: выпуклый белый живот, полная спина и крылышки сложил на груди. Она не пожмотничала — положила нам с папой каждому крыло, ногу и соленый огурец.

— Огурцы, — важно сказал папа, — Надя солит сама в соке красной смородины!

— Немаловажен укроп, — говорит Каракозова. — Только укроп нужно брать в стадии цветения.

Видно было, что она по уши втрескалась в нашего папу. И правильно сделала! В кого ж тут влюбляться из пациентов, кроме него? Вон он какой у нас, как наворачивает курицу! В жизни бы никто не подумал, что этому человеку сегодня вырвали зуб!

— Надя — прекрасный специалист, — с нежностью сказал папа.

— А я вообще люблю вырывать зубы. — Каракозова улыбнулась. — Вайнштейн не любит. Так я и вырываю за себя и за него.

Папа переглянулся со мной: дескать, видишь, какая славная! Я сделал ему ответный знак. Папа был в ударе. Усы торчат. Взор горит. И много ошарашивающего рассказывал он о себе.

Рассказ у него шел в три ручья. Первый — за что папа ни возьмется, выходит у него гораздо лучше всех. Премии и первые места на папу валятся — не отобьешься! И у него есть все данные считать себя человеком особенным, а не каким-нибудь замухрышкой.

Второй — что в семье, где он раньше жил (это в нашей с мамой!), его считают ангелом.

— Скажи, Андрюха, я добрый? — говорил папа. — Я неприхотливый в еде! Я однолюб!

И два моих принципа в жизни — не унывать и не падать духом!

Третий ручей был о том, какую папа Миша играет огромную роль в деле пылесосения и заклейки окон. И чтоб не быть голословным, он вмиг заклеил Каракозовой щели в окнах, откуда вовсю дули ветры с Ледовитого океана. А также, хотя Каракозова сопротивлялась, пропылесосил ей диван-кровать.

— Может, у вас есть клопы? Или тараканы? — спросил я у Каракозовой. — Папа всех здорово морит.

— Миша — это человек с большой буквы! — ответила она с нескрываемой радостью.

Я стал собираться. Папа вышел в переднюю меня проводить. Он спросил, завязав мне на шапке-ушанке шнурки:

— А как вы без меня, сынок? Кит в живых? Вы смотрите, чтоб вас не ограбили. Сейчас очень повысился процент грабежей. Сам должен понимать, какой сторож Кит!

Кит умирает от любви к незнакомым людям. Если к нам вдруг заявятся грабители, он их встретит с такой дикой радостью, что этих бандитов до гробовой доски будет мучать совесть.

— А как мокрый иван? — спросил папа.

— Не знаю, — говорю. — Пока листья на месте. Но вид пришибленный.

Что-то оборвалось у папы в груди, когда он вспомнил про ивана.

— Я просто чудовище, — сказал он. — Надя! Дома мокрый иван! Вот его фотография. Здесь он маленький. Мы взяли его совсем отростком... За столетник-то я спокоен — он в жизни не пропадет. А иван без меня отбросит листья. Надя! — папа уже надевал пальто. — Пойми меня и прости!..

— Я понимаю тебя, — сказала Каракозова. — Я понимаю тебя, Миша. Ты не из тех, кто бросает свои комнатные растения.

— Я с тобой! — вскричал папа. — Одни облака проплывают над нами. Я буду смотреть и думать: это же самое облако проплывает сейчас над моей Надей.

— Да вы приходите к нам праздновать Новый год! — сказал я.

— Спасибо, — ответила Каракозова.

— Но моя Люся, — предупредил папа, — не может печь пироги. Она может только яйцо варить.

— Ничего, я приду со своими пирогами, — тихо сказала Каракозова.

И мы отправились домой с папой и с чемоданом. А мама и Кит, и мокрый иван, и даже столетник чуть листья не отбросили от радости, когда увидели нас в окно.

Сейчас он придет, и будет весело

Папа все не шел, а я сидел дома и время от времени ставил чайник.

«Сейчас, — думаю, — он засвистит, и папа явится по свистку».

Час проходит. Еще полчаса. Часы: «пи! пи!» Хоть бы позвонил: «Я там-то и там-то, буду тогда-то...» Пап ведь опасности подстерегают на каждом шагу. Мой, например, совершенно беззащитный. И очень доверчивый. Любой негодяй может обмануть его, напугать или заманить на безделушку.

Тем более, говорят, в газетах писали, что в июне будет конец света. И я волнуюсь, когда папы нет дома.

СЕЙЧАС ОН ПРИДЕТ, И БУДЕТ ВЕСЕЛО.

Чтобы не скучать, я включил нашу старенькую «Спидолу». Весь мир облазил и ничего не нашел.

Наверху у нас кто-то что-то пилит. Трудно представить, что этажом выше пилят бревно. Это может быть только злодейство.

А перед окном бетонируют поле. Исчезла трава, ручей, лес под бескрайней бетонной площадкой. В один прекрасный день сюда прилетит летающая тарелка. Здесь будет встреча, цветы, оркестр. Потом она улетит, и останется поле бетонное — навсегда.

Я смотрел и смотрел на небо в окно: нет ли инопланетян? И какая-нибудь точка — я: «О!..О!» Хотя эта точечка — на стекле.

А сверху старушка:

— Киса! Кис! — кричит бездомному коту. На тебе сосиску!

Сосиска — буме! Лопнула, расплющилась, кот понюхал и пошел. Я представил; какая-то одинокая старушка сварила себе сосисочку, но увидела одинокого кота и метнула ее ему с этажа десятого-одиннадцатого!.. А этот бродяга ноль внимания.

Тогда я крикнул:

— Кис! Кис! Что обижаешь старушку? Ешь сосиску!

И выпал из окна.

Пока я летел, я слышал барабанный бой. Кто-то заводит под нами такую пластинку каждый вечер. Я раньше представлял, как ОН марширует под эту музыку и делает резкие движения типа каратэ. Но, пролетая мимо, я увидел, что ОН сидит в кресле с закрытыми глазами и слушает.

Этажом ниже — Войцехов. ГРУДЬ, НОС, УСЫ!.. Он одессит, пышущий здоровьем. Им там, в Одессе, чтобы выжить, сила нужна. Войцехов — коллекционер. Он коллекционирует бутылки. Я столько бутылок, сколько у Войцехова, не видел никогда.

А вон художник Лейдерман. В руках он держит палку в розах.

На ней — фанера, на фанере большими буквами написано: «ОБИЖАЮТ!»

Как хорошо жить на свете, когда знаешь, что жизнь бесконечна!

Я упал и лежал, как подстреленная птица, пока сосед Сорокин не схватил меня своими тонкими веснушчатými руками и не побежал в травмпункт.

Домой меня принесли два санитары. Они положили меня и ушли. А я почувствовал, что пахнет гарью.

Оказывается, я чайник снял, а плиту не выключил! Она раскалилась докрасна и горела в темноте, как планета Марс. Вокруг полыхали деревянные ложки, дощечки, тюль, клеенка... Смотрю: я сам весь в огне!..

Но, к счастью, прорвало трубу, и начался потоп. Вмиг прискакал Войцехов с черпаком. За ним его жена Манюня. Это такое одесское имя.

— У нас с Манюней тапочки, — кричит Войцехов, — поплыли по квартире, как шаланды!

Художник Лейдерман — возвышенная натура, всегда витает в облаках — мечтательно сказал:

— Андрюха! Гони мне деньги за ремонт!

Сорокин тонкими руками схватил трубу, прижался к ней всем телом, прикрыв нас от ужаснейшей струи. Единственный, кто к нам не поднялся, — сосед снизу. Наверное, ему ВСЕ ВСЕ РАВНО, ЛИШЬ БЫ НЕ СМОЛКАЛ БАРАБАН!

Пришел водопроводчик — глаза цвета морской волны. Войцехов с Манюней, Сорокин и Лейдерман успокоились и разошлись по домам. Но водопроводчик не стал чинить — обиделся, что у меня, кроме потопа, пожар.

— Уж если ты водопроводчиком рожден, так будь водопроводчик!.. — Он хлопнул дверью и ушел.

Теперь я уже не только горел, но и тонул, и тут мне прибавилось хлопот, потому что явились грабители и убийцы.

Один грабитель и убийца сжимал в руке пальцевой эспандер, похожий на челюсть вымершего осла с желтыми зубами. И на руке у него было написано: КОЛЯ. Второй накачивал мышцы эспандером, похожим на кольцо, которое грызут беззубые младенцы. И на руке у него написано: ВАСЯ.

«Эх ты! — я подумал про папу. — Не торопиться, потом будешь локти кусать».

Я намекнул, чтобы ВАСЯ и КОЛЯ уходили, потому что неудобно было сказать об этом прямо. Но они не поняли намека. КОЛЯ вынул из кармана бутерброды, которые дала ему с собой бабушка, стал их есть и критиковать: мол, бабушка подхалтуривает: хлеб режет толсто, а сыр — тонко.

У меня в холодильнике лежал плавленый сырок «Дружба». И я предложил его КОЛЕ. Но он отверг «Дружбу».

— Когда я был мальчиком, — сказал КОЛЯ, — я часто просил мою бабушку купить мне мороженое. Она подходила к киоску и делала вид, что покупает! А САМА ВМЕСТО МОРОЖЕНОГО ПОДСОВЫВАЛА МНЕ ПЛАВЛЕННЫЙ СЫРОК!.. А я верил! — процедил он сквозь зубы. — Жевал и думал: «Ну и дрянь же это мороженое! Что его все так любят?!!»

— Страшная история! Страшная! — воскликнул ВАСЯ. — Вот почему из тебя, Коля, вырос бандит!

И он сам слопал «Дружбу», а серебряную бумажку закинул в ведро.

— Один удачный бросок — и хорошее настроение на целый день! — радостно сказал ВАСЯ.

Они мне понравились, ВАСЯ и КОЛЯ. Мне ВСЕ НРАВЯТСЯ, вот в чем моя беда. Эта дурацкая любовь ко всем когда-нибудь уморит меня, я знаю! Как бы мне хотелось быть настоящим мальчишкой! Иметь рогатку, гонять голубей, стрелять в стекла, как

семья Волобуевых. Присоединиться к ним, ходить в пиджаках с подрезанными рукавами, просить: «Парень, мне надо домой, дай на метро!» А потом зайти за угол и смеяться над этим человеком! Ходить в овраг, жечь костры, сидеть на каких-то лавках, а потом орать под окнами!..

Я предложил грабителям чаю. ВАСЯ согласился, а КОЛЯ ни в какую. Он сказал, что от чая не отказывается, но СНАЧАЛА — ДЕЛО, и стал выносить вещи из квартиры. Он выносил, и выносил и все твердил:

— Я лишнего не возьму, а только то, что надо до зарезу.

Они по-дружески отнеслись ко мне, я знаю, но хищные чувства взяли верх, и они забрали все, даже мой кубок с надписью «виват», крышку чернильницы в виде головы негра и альбом с фотографиями папиной молодости. Они ограбили меня и убили. И уехали, чай не стали пить.

— А чай? — все-таки спросил ВАСЯ.

— Чай мы попьем дома, — строго ответил КОЛЯ.

И тут мой папа пришел — такой веселый!

— Андрюха, — говорит, — ничего, я чуть-чуть припозднился?

Я ответил:

— Нормально.

И на душе у меня запели воробьи.

— Ты молодец! — говорит папа. — Не насвинячил нигде ничего. Все на своих местах.

Сам в полном порядке. Я вижу: за тебя уже можно не волноваться.

— Конечно, — сказал я. — Чего зря волноваться?

Мы подхваливали меня, оба мной гордились. И вдруг за окном загудела сирена. Во двор, обгоняя друг друга, мигая мигалками, въехали пожарные, милиция и «скорая помощь». Они как сумасшедшие выскочили из машин и бросились в наш подъезд.

— Боже мой! — сказал папа. — К кому это?

И пошел открывать, потому что нам в дверь позвонили.

Блохнесское чудовище

Не просто вырастить охотничью собаку. Вот наша такса Кит. Сейчас он уже в годах. А лучшие годы жизни он посвятил уничтожению всего вокруг себя, и все это он ел!

Мы страшно боялись, что он заболит и умрет. Но Кит жил припеваючи. Только однажды он впал в меланхолию, когда проглотил мою резиновую галошу. Месяц ходил печальный, а потом опять взялся за свое.

Если положить в кровать рыжего пса, который сторожит тети Нюрин огород, он быстро вскочит и удерет. А Кит ляжет, устроится поуютней и будет пыхтеть, чтобы пожарче сделать своему товарищу по кровати — мне.

Я даже представить не могу, что у нас когда-то не было Кита. Я помню, как у него нос вытягивался, уши, туловище, он рос хоть и незаметно, а прямо на глазах, как идут минутные стрелки.

Когда мы первый раз привели его на выставку, он оказался лучшей собакой в Москве. Все были начесанные, причесанные, а Кит вышел с папой на ринг, и судья сказал:

— Кобель Антонов! Первое место по красоте.

Когда он подошел к двухметровому барьеру, мы ужаснулись: он никогда не прыгал такую высоту. Забор сплошной. Никто никого не видит. Папа встал за барьером и крикнул:

— КИТ!

Кит взвыл — это было тоскливое коровье мычание — и перепрыгнул.

А как он охотился! Механический заяц в штаны наложил, когда Кит появился на горизонте.

Из уважения к Киту папа приобрел ружье и подал заявку на охоту на ворон, как на вредных животных. Но Кит так весело на них кидался, что все вороны просто улетели из нашего двора.

С тех пор у Кита во дворе хорошая репутация.

Когда к нам пришла отравительница крыс и мышей, тихая женщина в серой шапочке, увидела Кита — испугалась, то наша дворничиха сказала ей:

— Не бойтесь! Это самая лучшая собака Насвете.

Тихая женщина в серой шапочке пришла травить крыс и мышей, но у нас их не оказалось. И все-таки папа взял телефон этой тихой женщины, папа взял ее визитную карточку: «Плахова — крысы-мыши». И мы забыли про эту карточку, совсем забыли.

Летом я и Кит гуляли в полях. Он давал круги, зависая над маленькими зелеными елками. Он так хорошо себя чувствует в полете! И я себя — тоже. А когда шел дождь, мы бежали домой под дождем. Впереди, задрав хвост, шпарил Кит. И я думал: «Вот как надо счастливо жить!»

И вдруг — ни с того ни с сего — как гром среди ясного неба: у нашего Кита завелись блохи. Блохи очень приспособлены к жизни. Они пришли к нам из тьмы веков и, наверное, будут прыгать и скакать, когда погаснет Солнце и наша цивилизация исчезнет с лица Земли.

— Выше нос! — сказал папа псу.

Он схватил Кита, как орел курочку, сунул в ванну и намылил дегтярным мылом. Блохи обалдели. У них был такой ошалелый вид! Мы думали: никто не уйдет живым, все найдут себе тут могилу. Но они проявили самообладание и дружно перебежали к Киту на нос. Я поймал несколько штук.

— Где ты их находишь, где?! — кричал папа.

— Сейчас я тебе покажу, — отвечал я, — и ты запомнишь.

— А что? Какое чувство, — кричал папа, — когда ты поймал блоху?

— Чувство радости, — отвечал я.

Тут они взяли и перескочили на папу. Папа бил их газетой, крича:

— Андрюха! Они скачут по моей груди!

Он гонял их с места на место, пока вся компания почти без потерь снова не оказалась на Ките.

— Только веселое животное, как блоха, — сказал папа, — не станет предаваться унынию после таких сокрушительных ударов судьбы.

И вызвал ветеринара. Ветеринар приехал на «газике».

— Поменьше гуляй, — сказал он мне. — Ваш двор полон инфекции.

Я поглядел в окно. Двор был пуст. Как странно устроен мир! Один человек смотрит — и не видит. Другой же видит не глядя. Тогда я представил себе толпу ИНФЕКЦИЙ, похожих на слоноедов, свирепо разгуливающих по двору.

— На что жалуемся? — спросил ветеринар.

Кит лежал у меня в постели. Я боюсь: если не пускать на кровать Кита, он может не понять, в чем дело, и подумает, что его разлюбили.

Кто это? — спросил ветеринар, осмотрев Кита.

— Это блохи, — ответил папа. И беззаботно добавил: — Что за собака в наше время без блох?

— А кто вам сказал, что это собака? — спрашивает ветеринар.

Я знал, я давно подозревал, что Кит не собака, а четвероногий человек.

— Это короткоухая такса, — твердо произнес папа, — купленная мной и Андрюхой на Птичьем рынке.

— Вас обманули, — сказал ветеринар. — Это крыса. Циклопическая американская крыса. Вид найден в городе Бостоне, штат Массачусетс, во время ремонта канализационных труб. Бостонцы привозят их в клетках на Птичий рынок и продают в качестве такс.

— А-а-а! — закричала мама и грудью заслонила меня от Кита.

Все сразу вспомнили его странное поведение: как он любит пожевать папино ухо, ест подчистую все на своем пути и как он в овраге — первый — покинул тонущий в луже плот.

— Значит, наш Кит — это крыса? — задумчиво сказал папа.

— Да, — вздохнул ветеринар. — И среди этих крыс встречаются людоеды.

Мама закачалась.

Почувяв неладное, Кит сделал вид, что он глубокий старик, и стал доканывать нас своими печальными вздохами. Я хотел к нему подойти, чтобы он знал, что мне не важно его происхождение, но мама вцепилась в меня, как медведь коала в эвкалипт.

— Так вот почему на даче, — задумчиво сказал папа, — он в окне выгрыз форточку и вылетел в огород!..

— Это настоящий крысиный поступок, — сказал ветеринар.

— А я его понимаю! — говорю. — Я-то по опыту знаю, что такое одиночество.

— Но все равно, — говорит папа, — зачем же окна грызть?

А я говорю:.

— Потому что оно ему мешало! Его неведомая сила влечет. Он ничего с собой не может поделаться.

— Вот именно — неведомая сила, — зловеще произнес ветеринар. — Он дома гадит?
— Никогда!

— Уникальный случай! — Ветеринар вынул фотоаппарат и нацелил на Кита объектив.

Кит дико затрясся.

— Видите? — сказал ветеринар. — Не хочет фотографироваться. Боится, что его разоблачат.

— Раз крыса, так крыса, — говорю я. — Подумаешь!

— Если Кит съест папу, — сказала мама, — я не переживу.

— А не надо его злить, — говорю. — В случае чего я запрю его в комнате.

— Люся! — вскричал папа. — Люся! Как же нам быть?

Он воздел руки к небу, и в этот момент из его кармана выпала визитная карточка: «Плахова — крысы-мыши». Все молча уставились на нее, окаменев.

— Нет! — крикнул я. Я думал, у меня разобьется сердце.

Бедный Кит. Он, умевший уходить отовсюду, где ему не нравилось, и удирать ото всех, кого он не любил, в мгновение ока очутился в лапах ветеринара. Тот сжимал его цепко, профессионально. И уже уходил от нас, бормоча:

— В доме ребенок... опасно... внизу спец.

Он еще что-то бормотал, унося Кита, но я не слышал. Я орал:

— КИТ! КИТ!!!

Я рвался к нему, но мама держала меня. И папа меня держал.

— Это катастрофа, — растерянно шептал папа. — Это катастрофа!

Но держал крепко.

И тогда я понял, что уйду из дома. Буду бродить, вспоминая Кита и родителей. Но, конечно, никогда не вернусь. Никогда. Они поймут, что значит потерять САМОЕ БЛИЗКОЕ СУЩЕСТВО. Тогда они поймут.

Ветеринар уходил. А я ничем не мог помочь Киту! Наши взгляды встретились. В последний раз. В полной тишине.

И тут Кит сказал:

— ВЫ ЧТО, ПСИХИ? Слышал бы мой дедушка ТАКС КЕНТЕРБЕРИЙСКИЙ эту белиберду! Ветеринар ненормальный. Он сбежал из сумасшедшего дома... Андрюха! — сказал Кит. — Положи меня в кровать.

Это было первый и последний раз в жизни. Больше Кит ничего не говорил. И ветеринар тоже. Но прежде чем исчезнуть из нашей жизни навсегда, он обернулся на пороге и сказал:

— От блох хороша черемичная настойка.

Хобби

— Надо тебе, Андрюха, выбрать хобби! — строго сказал папа. — Невооруженным глазом заметно, как человек с хобби отличается от человека без хобби.

— Чем же он так отличается? — спрашивает мама.

— Если ты имеешь хобби, — ответил папа, — у тебя совсем другой вид, потому что ты разгадал смысл своей жизни.

— А я как раз давно уже думаю: в чем смысл жизни? Теперь мне осталось узнать, что такое «хобби».

— Это когда человек, — объяснила мама, — каждый раз впадает в какую-нибудь дурь.

— Бескрылые личности! — сердито сказал папа. — Наш современник на утлых судах бороздит океаны, бросает вызов пикам и отрогам, летает на воздушных шарах, а вы сидите и не знаете, чем вам заняться.

— Я знаю, — сказала мама. — Ты, Михаил, будешь только рад, если я улечу на воздушном шаре.

— Необязательно великие свершения, — возразил папа. — Можно выбрать простое хобби — охота или рыбалка... Что-то доступное, легкое, чему радовалась бы душа.

Охота. Когда я закрываю глаза, мне снится не сон, а представление, как я бегу по поляне с Китом за оленями. У меня лассо, Мой пес — такса Кит — загоняет их в кучу. Я набрасываю одному на рога лассо и веду его домой — жить!..

Но и рыбалка увлекает меня. Я только не знаю, куда идти? С кем? Хорошо бы с папой!

— Итак, рыбалка! — сказал папа, потирая руки. — Вполне достойное хобби. Но, милые мои, хобби надо заниматься всерьез. Это работой можно заниматься шутя. А хобби требует серьезного отношения. Слушайте меня внимательно. Возьмем с собой воду. Пресную! Спички не забудь. Рюкзак. Мать пойдет с нами обязательно — запекать в глине лещей. Хотя неизвестно, — добавил папа, — будет у нас — нет удачная рыбалка. Надо бы опарышей!

— А их полно везде, — сказал я беззаботно.

— Городишь чепуху, — сердито сказал папа. — Опарыш — крайне редкий червь. А рыбы его любят — он белый и приятный.

— Встань пораньше, — сказала мама, — побрейся, спрыснись английским одеколоном — и на рынок за опарышем!

— Надо рано встать, — согласился папа. — Встанем часов в девять.

— Что?! — вскричал я. — В пять надо вставать!

— Мы — рыбаки начинающие, — сказал папа. — Имеем право встать попозже.

Я говорю:

— Попозже — это в семь тридцать!

— Какой, а? — обиделся папа. — Ему хобби выдумывают, а он вон какой!

И тут я заплакал. Я держался еле-еле. А они уже начали.

— Не хочу я никуда идти! — сказал я. — Все уже. Испортили все.

— Друзья! — сказал папа. — Не будем тратить драгоценное время общения на ссоры. Потому что жизнь есть радость! И отошел ко сну.

Какой-то ветер пустынный дул нам навстречу, когда мы выбрались на рыбалку, — ни жаркий, ни холодный. Такой в пустыне Гоби в порядке вещей.

Папа все утро был не в духе. Потому что не выспался. Он у нас когда выспится-то, производит впечатление человека, не спавшего дня два-три, а так — просто караул!

— Где пакет? — угрюмо говорит папа.

— Зачем тебе пакет? — ледяным голосом спрашивает мама.

— Плох тот рыбак, — сурово отвечает папа, — который, идя на рыбалку, даже не берет с собой пакет.

Пакет взяли, опарышей забыли. Глядим: на дороге лежит полбатона хорошей вареной колбасы. А неподалеку — большой батон хлеба. Наш дом издавна славится выбрасыванием продуктов из окна.

— Вот и наживка, — сказал папа. — Батонами будем манить.

Хорошо иметь хобби! Разве мы шли бы вместе — плечом к плечу — по оврагу, кишасшему улитками! Мы так часто ссоримся. Даже опасность возникает, что мы все когда-нибудь станем по отдельности.

Два дня назад мне приснился карлик. Забегал вокруг меня, забегал, поднял с дороги часы, деревянные, нарисованные на палке, и говорит:

«Андрюха, пора!»

А еще спрашивает:

«Какого цвета?»

«Синий!» — говорю.

Он подхватил меня и понес — в синее небо, над синими горами. А папа, мааленький, с маленькой мамой стоят у подъезда и не знают, как быть...

В нашем овраге электрическая зона. Столбы-высоковольтки. К каждому столбу примыкает садовый участок. Но к этим садоводам опасно подходить. Их основная особенность — ток. За руку здороваются, и всех ударяет током.

Зато у нас — тех, кто ест их укроп и петрушку, — основная особенность — магнетизм. Ложку на грудь положим, и не падает.

— Не отставать! — кричит папа. — Не отставать! Если отстанете, то неизвестно, что с вами может случиться! — И он исчез в черном дыме горячей свалки.

— Папа! — кричу я.

— Твой папа не слышит тебя, — отвечает мне мама. — Ему дует ветер в уши, и шапка на нем надета.

Сколько разных вещей держит на себе Земля! Дома, разные горшочки, люстры, подушки, зеркала — даже невозможно перечислить! А океан!!! Какой он тяжелый! Но иногда ей становится легче, потому что в небо поднимаются самолеты.

— Люся! Люся! — Папа вынырнул из клубов дыма. — Я тебе платочек нашел!

— В платочках, Михаил, — отвечает мама, — ходят одни мули.

В этом — вся мама. Ей лишь бы поперечить! Сказала бы спасибо. А не хочешь сама носить платок, который тебе муж с такой любовью преподнес, подари его бабушке!..

Мы шли вспотевшие, замерзшие, дым свалки ел глаза. Я хотел подобрать бидон для рыбы, но папа не разрешил.

— Может быть, в нем яд был, — сказал папа.

— Очень у нас хобби опасное для жизни, — говорит мама. — Давайте лучше марки собирать...

— Поздно, Люся, — отвечал папа. — Хобби человеком выбирается один раз.

Было полпервого дня, когда мы достигли воды. Кит влез в реку с головой и начал нюхать дно. А мы стали искать удилище. Нашли, да кривое.

— Это не подходит, — говорит папа. — Рыбы испугаются, когда увидят.

— А это слишком тонкое, — сказал он. — Оно крупную рыбу не выдержит.

— Леска запуталась, — говорит папа. — Извечная проблема рыбака. Вместо того чтобы уже забрасывать удочки и таскать рыбу одну за другой, он сидит и распутывает самые невероятные узлы два часа. Еще у рыбака большой вопрос: это крючок обязательно в него должен впитаться.

— Та-ак! — сказал папа. — Не будем ходить вдоль побережья — искать счастья рыбацкого, пусть счастье ищет нас. Главное, — сказал он, — поплевать на наживку. Главное в рыбалке — терпение, — сказал папа.

Сморщив лоб, он около часа простоял и просмотрел вдаль. Вдалеке плыла лодка, похожая на стручок гороха, и люди — две горошины.

— Главное, место поменять вовремя, — сказал папа. — Несчастливое на счастливое.

Сапоги чьи-то надеты на колы в реке — как будто человек упал, а брызг нету.

— Люся, Люся! — говорит папа. — Рыбалка у меня не вытанцовывается. А ведь я мужчина в расцвете лет. Что будет с нами в старости?

— Не беспокойся, папа, — говорю я. — Я буду вам помогать.

— А что ты будешь делать, сынок? — спрашивает мама.

— Улиток буду продавать. «Продаются хорошие, сочные улитки». На баночке напишу: «Улитка Умная». Ее обязательно купят. Что это, подумают, за такая Умная улитка. Придут домой и спросят: «Ну, чего ты там умеешь?» А она рожки вытянет, посмотрит и опять их втянет. А ночью — шебурш! шебурш!

— Ты куда пришел? — кричит мне папа. — Ты на рыбалку пришел! «Не насаживается хлеб!..» Это потому, что он черствый. А на бутербродах, — кричит он, — есть свежий хлебушек?

— На бутербродах есть, — отвечает мама.

— Тогда давайте есть бутерброды!.. — говорит папа.

— Вот это хобби — рыбалка! — говорит он, уписывая бутербродики. — Пришли, сели. Это какая река? Москва? А это кто? Утка или чайка?

Вот такой он у меня: живет одной ногой на земле, другой — в небе.

Мы устроились на бревнышке; волны, водоросли, прибой, водяные мухи, сейчас прямо раздевайся, ныряй да плыви.

Садилось солнце. На солнечном диске папиной рукой было нацарапано:

ЛЮСЯ

+

МИША

И у нас был такой вид у всех, особенно у Кита, как будто мы разгадали смысл своей жизни.

Все мы инопланетяне на этой земле

Каждую субботу с воскресеньем я надеялся, что папа побудет дома. Мы будем болтаться по улицам, ходим в тир, покатаемся на водном велосипеде...

Но мой папа ничего этого не мог. Все воскресные дни напролет он ходил на курсы изучать летающие тарелки.

Случилось это так. Однажды он выбежал из комнаты и в своих черных кожаных шлепанцах заметался по квартире.

— Люся! — закричал он. — Люся! Где моитуристские ботинки?

— А что за спешка? — спрашивает мама.

— Я уезжаю!

— Куда?

— На Шамбалу! — говорит папа. — Это далекий горный край. Там живут космические пришельцы. Шамбала зовет меня.

— Ты в своем уме? — спрашивает мама.

— Я поливал цветок, — сказал папа. — И я его спросил: «Скажи, есть на свете Шамбала, люди не врут?» — И ОН НАКЛОНИЛСЯ! «А Шамбала меня зовет?» — Наклонился!!!

— Я сейчас врача вызову, — сказала мама.

— Не веришь?! — вскричал папа. — Идем, я тебе покажу!

Мы зашли в комнату, а из папиного шкафа все вынуто, и он на кучки раскладывает ледоруб нержавеющей, наш общий карманный фонарик, термос, чай, кипятильник, зубную пасту и зубную щетку.

Папа близко подвел нас к цветку — к ваньке мокрому на подоконнике, и он спрашивает у ваньки:

— Ваня, Шамбала меня зовет?

Тот не шелохнулся.

— Ну ответь мне, ответь, — стал упрашивать папа. — Ты же мне говорил...

В общем, когда он спросил несколько раз, ванька поклонился.

— Видели? Видели? — закричал папа. — При вас он еще не очень. А когда мы с ним были одни...

— А где это расположено? — спрашивает мама.

— Горы Гималаи, страна Непал, — гордо и свободно отвечал папа. — Я звонил, узнавал: самолет в семнадцать сорок.

— Самолет — КУДА?

— В Катманду!

— Кто тебя там ждет, в этой Катманду? — Мама встала у двери в прихожей. — Ты и языка-то не знаешь. Ни визы, ни валюты... С инопланетянами собирается встречаться! А у самого ум — как у ребенка...

Короче, мы отговорили его. Папа плакал в семнадцать сорок, когда улетел самолет. А наутро взял и записался на курсы изучения летающих тарелок.

Он совсем забросил нас, землян. Он раскрыл сердце космосу. И мы, папины близкие, — я, мама и наша такса Кит — посыпались из его сердца, как горох.

Он смотрел на нас равнодушными глазами, а когда я на даче опился парным молоком, он сказал безо всякого сочувствия:

— Ничего, такова жизнь. Приехал на курорт — погулял — заболел — выздоровел — сел в тюрьму — вышел — женился — поехал на курорт — умер.

Он прекратил добывать еду, позабыл дорогу в прачечную, год не брал в руки веник.

— Я уже не представляю себе папу метущим, — жаловалась мама, — а только мятущимся.

Если он смотрел телевизор и возникали помехи, папа говорил:

— Летающие тарелки пронесли над Орехово-Борисовом в сторону Бирюлева или Капотни.

Если мама просила его поискать в магазинах носки или ботинки, папа отвечал:

— Я ищу в жизни не ботинки и носки, а контакта с инопланетным разумом.

— Мы одиноки во Вселенной! — кричала на папу мама. — Мы без конца прощупываем космос и никого пока не нащупали!

А папа отвечал:

— Я смеюсь над тобой, Люся! Над твоими убогими представлениями о мире. Знаешь ли ты, что, когда художник рисовал Ленина, Ленин мечтательно посмотрел на небо и сказал: «Наверняка есть другие существа, обитающие на других планетах, обладающие другими органами восприятия из-за разницы давления и температур!»

На даче в Уваровке у нас украли с крыши трубу, с огорода украли кусты старой черной смородины, из колодца украли ведро. Какие-то жучки съели за зиму полдома...

А папа сидел сложа руки на крыльце и говорил нам, что жизнь на Земле появилась не сама. Кто-то привез нас с иных планет и теперь опекает, как младенцев.

— От обезьян никому не хочется происходить, — грустно говорила мама. — А всем от инопланетян.

А папа думал: попадись ему космический пришелец — хоть в виде мыслящей плесени или океана, краба или инфузории-туфельки, — папа, конечно, вмиг его узнает и распахнет ему навстречу объятия.

— Миша! Миша! — звала мама папу и та кой взгляд давала фиолетовый.

А папа думал; если я встречу представителя внеземных цивилизаций, что спрошу? Откуда вы? Откуда мы? Когда наступит дружба между народами?

А мама то наденет новое платье, то испечет пирог с надписью: «Привет Михаилу!», то свяжет папе варежки. Как-то раз, чтобы обратить на себя папино внимание, совсем остриглась под лысого.

А папа уставится в окно и смотрит на кучевые облака. Небо в Уваровке на закате стоит перед глазами, как горы. С деревьев облетали листья. Такса Кит бегал за окном, обалдев от шуршания листьев. У него ноги короткие, и шуршание близко, под самым ухом. Листья летели и забывали о дереве, — как папа о нас с мамой и Китом.

— Дальше так жить нельзя! — решил наконец папа. — Надо обратиться к космическому разуму через Организацию Объединенных Наций. Я люблю определенность. Я хочу знать: существуют ли инопланетяне?

— Все мы инопланетяне на этой земле, — сказала мама.

Она помыла посуду, повесила фартук на гвоздик и... начала исчезать. Прямо на глазах. Она стала как рисунок, будто невидимая мама была обрисована тонкой линией — лиловым карандашом.

Кит задрожал и полез под кровать. Папа насторожился, как боевой конь при звуках трубы. У меня голова пошла кругом.

А мама превратилась в блин. Блин светящийся, огненный и лучистый. Он помаячил из стороны в сторону, вылетел в форточку и с диким грохотом стремглав улетел на небо.

Мы стояли — я, папа, Кит — как окаменелые.

— Профуфукали инопланетянина! — сказал папа.

Он уже хотел кусать локти и рвать на себе волосы. Но наша мама, конечно, вернулась. Приходит со станции с авоськой огурцов.

— Не бойтесь, — говорит. — Никуда не денусь. Не могу же я бросить вас на произвол судьбы.

ФАНТОМ БУЗДАЛОВА.

Теперь мы висели один на один, с глазу на глаз, не на жизнь, а на смерть. Он висел ровно и немигающим глазом глядел прямо перед собой, производя впечатление человека, способного с легкостью провисеть жизнь.

Я тоже висел — негибачаемый, с бесстрастным лицом. Я знал: если я упаду — меня ждет бесславный конец.

Как-то у нас по природоведению была контрольная на тему человека. Мы проходили голову, скелет, лопатки, зубы, уши... Все хохотали я не знаю как! А Маргарита Лукьяновна сказала:

— Кому смешно, может выйти посмеяться за дверью.

И прицепилась именно ко мне.

— Антонов, — говорит она, — ты знаешь, где у человека что?

А я смеюсь, не могу остановиться. Такая чертовская вещь этот смех. Его нельзя сдержать, можно только напрячься, но в этом случае я за себя не ручаюсь.

— Антонов, — сказала Маргарита Лукьяновна. — Я ясно вижу твое будущее. Ты никогда не принесешь пользу Родине. И не достигнешь никаких высот. Ты будешь есть из плохой тарелки, дырявой ложкой, спать на диване с клопами и в пьяной драке зарежешь товарища.

Вообще уже учителя дошли! Им даже в голову не приходит, что такой двоечник, как я, может стать садовником. Ведь стать садовником — никаких дипломов не нужно. Садовником в красных кедах, окучивающим пионы, в кепке и с бакенбардами.

Откуда ей знать, что я сам всех боюсь?

Если я вижу жужелицу в книге, мне кажется, что она меня уже укусила. Когда я был маленький и видел много людей, и что все они идут куда-то, мне казалось, что все они идут убивать дракона.

И вот теперь он — Буздалов. О нем во дворе ходили страшные слухи.

— Видишь — трава примятая? — говорили жильцы. — Здесь Буздалов сидел в одном шерстяном носке и из-за куста подслушивал чужие разговоры.

— Видишь перья? — говорили они. — Это Буздалов ворону съел.

Буздалов — ногти нестриженные, зубы нечищенные, голова, как бицепс на плечах, а первое слово, которое он сказал в своей жизни, — «топор».

Как-то Буздалов допрыгался: ему выбили зуб, а через неделю на этом месте у него вырос новый зуб — золотой.

Я чуть не умер от страха, когда он погнался за мной — хотел пригробить. Но я отвлек его разговором.

Папа говорит:

— Мой Андрюха, хотя и двоечник, но очень способный. Я его отдам в английскую школу, и в музыкальную, и в фигурное катание.

А мама:

— Какое фигурное катание? Ему надоучиться лупасить хулиганов! Нельзя в наше время быть тютей и мокрой курицей.

— Люся, Люся! — отвечал папа. — У каждого из нас есть свой ангел-хранитель. И если кто-то не слышит шороха его крыльев, то это у него с ушами что-то, а не означает, что его нет.

— Но на всякий случай, — говорила мама, — ты должен воспитывать в Андрюне храбрость.

А папа отвечал:

— Я и сам-то не очень храбрый. Я научу нашего сына великому искусству убегать. Ты знаешь, Люся, когда надо убегать? За пять минут до того, как возникнет опасность.

— А если с ним будет девушка? — сказала мама. — И на эту девушку в темном переулке накинется головорез?

Я сразу представил себе: ночь, ветер теплый, совсем не пронизывающий, я и моя девушка возвращаемся из ресторана.

— Это какое созвездие, Андрей? — спрашивает девушка.

— Это Большая Медведица, дорогуша, — отвечаю я.

И тут появляется Буздалов с чугунным утюгом. И перед носом у моей девушки демонстративно накачивает мышцы шеи.

— Хорошее дело, — говорит он, — мускулы качать. Благородное. Ни о чем не думать, только качать и качать. А потом их взять как-нибудь однажды и использовать!..

Я бы дал тягу, но моя-девушка — нескладная, неуклюжая, ей не унести ноги от Буздалова. Если я убегу, он стукнет ее утюгом и съест, как ворону.

— Я должен спасти свою девушку, — сказал я.

И папа сказал:

— Да, ты должен ее спасти.

И он повел меня в секцию боевых китайских искусств при ЖЭКе. В одну вошли дверь — там арбузы продают. В другом помещении встретил нас физкультурник. Сам красный, с красными руками, такой пупок у него мускулистый. Тренер «у-шу» Александр Алексеевич.

Потные, красные, толпились вокруг его воспитанники. Особенно кто прошел курс, тот выглядел, конечно, смачно. Мы как взглянули с папой — такие лица, такая речь там слышится, — нам сразу захотелось домой.

Но моя перетрусившая девушка, похожая на пингвина, стояла у меня перед глазами, а злоумышленник Буздалов занес над нею свой утюг.

— Я остаюсь, — сказал я папе.

А папа сказал тренеру:

— Друг! Возьми моего сына в обучение. А то что у нас за семья? Мать больная, прикована к постели — у нее ангина. Я — ты видишь — сутулый, сухощавый. Пусть хоть сын у нас будет громила.

С этими словами папа внес за меня деньги и пошел покупать арбуз.

— Китайская борьба у-шу, — начал Александр Алексеевич, когда мы набились в физкультурный зал, — учит избавляться от образа врага. Достаточно представить его себе в деталях, или, как мы — мастера у-шу — это называем, — создать фантом.

Я отвернулся и стал смотреть в окно. Какое дуб необычайное дерево! Не липа, не тополь, чего в городе полно. А именно дуб! И желуди, я их всегда собираю. Это все равно как бесплатный подарок.

— Вот он стоит перед тобой — твой враг, — сказал Александр Алексеевич. — И бой с ним легок, как щелчок пальцев.

А я думал: «Чего слоны не стесняются без штанов ходить? Такие же люди, только жирные».

— Вы должны все вложить в свой удар, — настаивал Александр Алексеевич. — В бою, говорят китайцы, участвуют даже мышцы уха, хотя в ухе мышц нет!..

А я не понимаю, как может захотеться ударить человека? И также я не представляю, как это может чесаться хвост?

— Присел! — вдруг крикнул Александр Алексеевич. — Чем ниже присядешь, тем ты недосыгаемей. Стальной кулак! Удар!!!

По команде мастера секция боевых китайских искусств ринулась поражать образ своего врага. Тысячу синяков им насажали и миллион подглазников.

«Ну, — я подумал, — Буздалов, держись! Отмолочу, никакой бронежилет не поможет!»

И тут я увидел-фантом Буздалова. Фантом выжидательно смотрел на меня и взгляд у него был какой-то недобрый.

Дурак, я все детство гири не ворочал. Я бы этот фантом без китайской помощи — одной своей русской силой одолел. А так я ему два слабеньких убогих щелчка дал, а он мне как даст два здоровых!

Тогда я его ущипнул и укусил. А он на меня — с утюгом! Это был ужасный миг. Фантом Буздалова припер меня к шведской стенке. Я закрыл глаза и приготовился к самому худшему.

Бывают же такие беззащитные, У всех на земле есть коронный прием: удар ногой, подсечка или освобождение от захвата. Даже альбатрос может отпугнуть врага! Он отрыгивает переваренную пищу, висая на ветре, чем вводит в смятение любого хищника или неприятеля.

Но и у меня есть тайное могущество: я могу очень долго висеть на перекладине. У меня диплом — там так и написано: «За победу в соревнованиях «Вис»!

— Послушай, — сказал я фантому Буздалова. — Давай, кто кого перевесит?

Фантом с утюгом замер.

— Зависнем на шведской стенке? — дружелюбно говорю я. — Ты дольше повисишь — твоя взяла. Я дольше — моя.

И он повис — в полной уверенности, что перевесит меня — проще пареной репы. Повисли за компанию бойцы у-шу, был даже среди них самый настоящий китаец, хотя все думали, что он грузин. Повис и наш мастер Александр Алексеевич.

Народ висел молча, погруженный в свои думы. Один боец упал, за ним второй и третий. Бойцы срывались и падали со стуком на пол, так что физкультурный зал был устлан павшими бойцами.

С прощальным криком полетел китаец, и я увидел его веснушчатую спину. С верхней перекладины загремел Александр Алексеевич.

Теперь мы висели один на один, с глазу на глаз, не на жизнь, а на смерть. Фантом висел ровно, суча ногами. Я тоже висел, сохраняя свободу и самоуважение. Бойцы у-шу сгрудились вокруг и стали спорить на арбуз — кто из нас победит. Китаец, оглушенный падением, подзадоривал фантома. Остальные, к их чести — болели за меня.

Вдруг фантом закачался, посинел, высунул язык — весь в рытвинах и оврагах — географический язык! — и сделал попытку лягнуть меня ногой.

Ярости фантома я противопоставил свое хладнокровие. Ведь в висении может помочь только висение. Надо тихо висеть и висеть, забыть, что ты можешь не висеть.

По мере того как он скисал, я все больше больше воодушевлялся. Шар на елке и плащ на гвозде не висят так спокойно и радостно, как я висел, атакуя Буздалова. Кислая

мина фантома возвестила о его поражении. Он пал духом. А потом и весь рухнул, целиком.

— Нечестно! — закричал он. — У меня вкармане чугунный утюг!!!

А я ему:

— Мне-то что?

Что мне теперь до всего до этого?! Меня ждет папа с арбузом на лавке во дворе.

— Арбузика хочется! — говорит папа. — Жаль, нечем скибочку отрезать...

Я размахнулся и ребром ладони как расколю напополам арбуз! А из арбуза выскочил красный попугай, весь в арбузных косточках. И побежал в неизвестном направлении.

Репетитор

— Вы не представляете, — сказала Маргарита Лукьяновна моему папе, — какие у вашего сына низкие способности. Он до сих пор не запомнил таблицу умножения, и это мне плевков в душу, что он «ча-ща» пишет с буквой «я».

— Низкие способности, — сказал папа, — это не Андрюхина вина, а Андрюхина беда.

— Главное — старание, а не способности, — смягчилась Маргарита Лукьяновна. — И добросовестное отношение. Чтобы он света божьего не видел, понимаете? А то я его оставляю на второй год.

Всю дорогу домой папу одолевали черные мысли. А тут еще во дворе стали чистить канализационные люки. Из аварийной машины вышел шофер и, как бы обращаясь к детям планеты, сказал:

— Если хотите здесь работать, плохо учитесь. Все двоечниками были! — и показал на бригаду в люке.

— Любой ценой, — сурово сказал папа, — ты должен из двоечника выйти в удовлетвористы. Тут надо так, — сказал он, — ставить себе задачу, чтобы пупок трещал. А то время — фьють! Смотришь — сил нет, а там и умирать пора.

И он стал разучивать со мной таблицу умножения.

— Шестью шесть! Девятью четыре! Пятью пять!.. Ух! — погрозил он нашей безмятежно спящей таксе Киту. — Лентяй! Бородавки только растит, ничего не делает. Трижды три! Дважды два!.. Люся! — закричал он маме. — Люся!!! Я не могу решать эти примеры. Я не могу их ни решить, ни запомнить! Чудовищное что-то! Кому это надо?! Только звездочетам!

— Может быть, возьмем репетитора? — спрашивает мама.

Тут я закричал:

— Ни за что!

— Держись, Андрюха, — сказал папа. — Надо быть философом и бодро воспринимать всякое событие. Я предлагаю взять репетитором мясника или кассиршу нашего продовольственного магазина.

— Но это только по математике, Михаил, — возразила мама, — а по русскому? Как мы одолеем «ча-ща»?

— Ты права, — согласился папа. — Тут нужен широко образованный человек.

Решили посоветоваться с Маргаритой Лукьяновной.

— Есть у меня на примете, — сказала Маргарита Лукьяновна, — один, Владимир Иосифович. ГРАМОТНЫЙ педагог, у него все двоечники по струнке ходят.

Разные люди пахнут по-разному. Кто-то морковкой пахнет, другой помидорчиком, третий черепашкой. Владимир Иосифович не пах ничем.

Вечно он ходил озабоченный, и у него никогда не бывало блаженного выражения лица. К тому же он сильно пекся о своем здоровье. Каждое утро пять минут он лежал в ледяной ванне, и, когда меня привели к нему под конвоем, Владимир Иосифович протянул мне свою ледяную руку помощи.

— Сколько ног у трех кошек? — спросил он у меня с порога.

— Десять! — сказал я, помня завет Маргариты Лукьяновны: «Ответ пауза не украшает».

— Маловато, — уныло произнес Владимир Иосифович.

— Одиннадцать, — предположил я.

Вид у Владимира Иосифовича стал такой озабоченный, что, если б его сейчас кто-нибудь проглотил, он бы этого даже не заметил.

— Прошу вас пить чай, — сказал он.

На кухне в целлофановом пакете он хранил приправу. Там перец, аджика, разные сухие травки — такая желто-оранжевая смесь. Он щедро ею посыпал бутерброды — мне и маме.

— Мальчик запущенный, но не пропащий; — сказал Владимир Иосифович. — Надо им заняться всерьез, пока он мягкий как воск. Потом затвердеет, и будет поздно.

Мама с благодарностью пожала ему руку — так, что он присел. Приятно все-таки, что твой единственный сын в свои неполные десять лет НЕ ЗАТВЕРДЕЛ.

— Кем хочешь быть? — спросил Владимир Иосифович, сохраняя паучью серьезность.

Я не ответил. Не стал ему говорить, что я бы не хотел быть ни камнем, ни дубом, ни небом, ни снегом, ни воробьем, ни козлом, ни Маргаритой Лукьяновной, ни Владимиром Иосифовичем. Только собой! Хотя я не понимаю, ПОЧЕМУ я такой, какой я.

— Андрей, — говорил мне Владимир Иосифович, — я человек прямолинейный. Как пишется «ча-ща»? И сколько будет шесть умножить на восемь? Ты должен ПОЛЮБИТЬ эти слова: «гнать», «терпеть», «ненавидеть», «зависеть». Только тогда ты научишься верно изменять их по лицам и числам!..

А я отвечал:

— Давайте посвистим. Вы можете свистеть космическим свистом? Как будто не вы, а кто-то свистит вам из космоса?

— Андрей, Андрей, — звал меня Владимир Иосифович, — у тебя с каллиграфией не все в порядке. Все буквы вкривь и вкось...

А я отвечал:

— Старина Билл, когда ты ешь печенье, у тебя совсем исчезает шея, особенно сзади.

— Я буду фиксировать все твои минусы поведения, — говорил Владимир Иосифович.

— А станешь делать успехи, я награжу тебя памятным подарком.

А я отвечал:

— У меня песни хорошо идут. Какая-то мелодия нагрянет, и слова сыпятся, как горох. Слушайте мою песню, Владимир Иосифович.

[«Шмакозявки»...](#)

Шмакозявки удалые! Шмакозявки полевые! Шмакозявки, ройте норки, Шмакозявки, жуйте корки!..

Хотите еще? Мне это нетрудно...

— Ой, не надо! — говорил Владимир Иосифович.

— А можно, я уйду сегодня пораньше?

— У тебя что, очень важное дело?

— Да.

— Какое?

— Пока еще не знаю.

— У меня такое чувство, — говорил Владимир Иосифович, — как будто я тащу из болота бегемота. Это уму непостижимо, — говорил он, — что существуют люди, которым неинтересно правописание безударных гласных!..

А у меня зуб начал сильно расти! То там был признак застоя, а теперь он стал сильно расти! И я прямо чувствую, как у меня волосы на голове растут! Почему человек все время должен быть в брюках или стоять на двух ногах?!!

— Ты весь ушел в себя, — тряс меня за плечо Владимир Иосифович. — Сам процесс вычисления стал для тебя тайной. Проверь, как ты написал слово «тетя»!

— «Цеца»...

— Ты очень невнимательный! — говорил Владимир Иосифович.

А сам даже не заметил, что у него прямо перед окном вбили в землю щит «Уязвимые места танка». Там был изображен танк в разрезе в натуральную величину и стрелочками указаны его слабые места.

Мы сидели у раскрытого окна, и я спросил:

— Отгадайте, что у вас нового?

— Где?

— Во дворе.

— Ничего, — ответил Владимир Иосифович. И мы, как обычно, отправились на кухню поесть бутербродов с приправой.

Это были редкие минуты, когда мы полностью понимали друг друга.

Только за едой я не засыпал, когда его видел. А он не предлагал мне пересмотреть всю мою жизнь для того чтобы выучить таблицу умножения.

Мы молча жевали приправу, принимаясь к южным травам, тоскуя о море, и, как говорится, «всеми фибрами своего чемодана» оба ощущали, как хорошо иной раз полодырничать.

Вдруг я заметил, что наша приправа уже не оранжевая, а серая, и поделился с Владимиром Иосифовичем своим наблюдением.

— Видно, она отсырела, — сказал он и высыпал ее на стол посушить.

А она как пошла расползаться! Он ее — в кучку, в кучку! А она — вж-ж-ж! — во все стороны. Я кричу:

— Владимир Иосифович, у вас есть микроскоп?

Он говорит:

— Нету.

— Как это в доме, — кричу я ему, — не иметь микроскопа?!

— Зачем он мне? — спрашивает.

Вместо ответа я вынул из кармана лупу — у меня ключи от квартиры и от почтового ящика прикреплены к лупе — и взглянул на приправу.

Это была кишасящая масса каких-то невиданных прозрачных существ. Причем у каждого — пара клешней, шесть пар ног — волосатых — и усы!!!

— Мамочки родные... — сказал Владимир Иосифович. — Мамочки мои родные!..

С ним просто ужас что творилось. Жизнь микромира поразила его в самое сердце. Он стоял, вытаращив глаза с белыми ресницами, растерянный, как танк в разрезе...

— Андрей! — сказал он, когда я пришел к нему в следующий раз.

Он лежал на полу, такой задумчивый, в одних трусах.

— Что ты мне посоветуешь вначале купить — микроскоп или телескоп?..

Он разучил мою последнюю песню «Стучат пружины за окном, чаек попахивает салом» и распевал ее с утра пораньше, устроившись на подоконнике и свесив ноги во двор.

Когда я уходил, он говорил мне:

— В другой раз не опаздывай, Андрюха! Если я уж жду тебя, так уж жду!!!

А как-то однажды он вдруг помрачнел и спросил:

— Андрей, мы не умрем?

— Нет, — ответил я, — никогда!

Больше я его не видел. Он оставил наши места. Случилось это так. Рано утром я забежал к нему перед школой, звонил-звонил — не открывает. А соседка выглянула и говорит:

— Нет его, не звони. Ушел наш Иосич.

— Как ушел? — спрашиваю.

— Босиком. И с котомкой.

— Куда?

— По Руси.

Дул настоящий такой весенний ветер. Я бегом в школу. А там на доске приклеен плакат: «Граждане! В вашем классе учится удивительный мальчик. Он «ча-ща» пишет через «я». Другого такого замечательного в целом мире не найти! Давайте все брать с него пример!» И подпись: «В. И. Лепин».

В тот день я выучил всю таблицу умножения. До позднего вечера я, как зверь, умножал и делил многозначные числа. Я целую тетрадь исписал словами: «час», «чаща», «площадь», «щастье»!..

Я получил все-все тройки и с блеском перешел в четвертый класс.

— Только не надо меня поздравлять, — говорил я своим. — Не надо, не надо, подумаешь, какое дело...

Но они поздравляли, обнимались, плакали и смеялись, пели и дарили подарки. Жалко, Владимир Иосифович не видел меня в этот торжественный момент!

А что я мог дать ему, кроме того, чтобы позвать в дали?

Путник запоздалый

Я сидел в шкафу — прятался от молний. Я боюсь молний. А тут как раз гроза. Сперва короткие вспышки. Грома не слышно. Потом как бревна покатались: «Бу-бух! Бах! Тра-рах!» Ветер, дождь!..

Вдруг звонок в дверь — длинный, громкий, так обычно звонят дети или милиционеры. Все пошли открывать: мама, папа, я выбрался из шкафа, такса Кит...

Глядим: чужой дядька во всем мокром — хоть выжми! И говорит:

— Я путник запоздалый. На улице непогода. Пустите переночевать.

Папа смутился, мама насупилась, я остолбенел. Один наш свирепый Кит встретил путника как родного.

— Меня зовут Автандил Эльбрусевич, — сказал путник запоздалый, — фамилия Кубанишвили. Ночь застала меня в пути.

— Очень рад, — сказал папа как мог приветливо. — Снимайте свой плащ и шляпу и пойдете пить чай. Надеюсь, вам у нас понравится.

Автандил Кубанишвили пожал руку папе. Потом он пожал руку мне.

— А это вам, — и он протянул маме пакет, ну, такой темно-зеленый, который, когда пассажирам плохо, выдают стюардессы в самолете. **НО ЭТОТ ПАКЕТ БЫЛ ПОЛОН ЧЕРЕШНИ!** Утром он вошел ко мне, свежий, утренний. Белые зубы, черная грудь, голубая майка с пристроченным ценником на плече. Загар очерчивал другие майки, — видно, совсем новую надел Автандил Эльбрусевич майку в Москву! Длинные волосы были зачесаны зеленой гребенкой с пупочками. На черных брюках в серую полоску сиял оранжевый ремень.

— Все спишь, Андрюха?! — сказал он. — А я уже лудил, занимался жестяными работами. Возродил тарелку, которая тут у нас была крышкой от помойки, а теперь будет блюдом на торжественных обедах. Давайте вставать!.. — постучал он в комнату к родителям. — Позавтракаем, сыграем в шахматы, нарисуем картину...

— КАКУЮ КАРТИНУ??? — слышался из-за двери голос мамы.

— «Весна пришла!» — ответил Автандил Эльбрусевич. — Или «Утро в горах»...

Я спросил:

— А что, вашего папу звали Эльбрус?

— Что значит «звали»? — воскликнул Автандил. — Эльбрус Кубанишвили — живой, всеми уважаемый торговец шнурками в Кутаиси. Неделю назад в районном конкурсе на самые голубые глаза он занял первое место!

Мой папа Миша, тоже в майке, прошествовал на кухню и вскричал:

— Люся! Автандил Эльбрусович приготовил завтрак!

Это была ни с чем не сравнимая яичница с двойным перевертышем. Он как почувствовал, что я не люблю жидкие желтки. Когда я гляжу на жидкий желток, мне кажется, он выпустит ножки и поползет.

— Однажды я в море потерял штаны, — рассказывал Автандил Эльбрусович, намазывая маслом хлеб всем по очереди. — У меня мощность прыжка очень большая. И очень большие купальные штаны. Представляете, — говорит, — как человек может испугаться, если мои штаны обовьются у него вокруг ноги!..

Тут мы заметили, что очень покраснел чайник. Папа хотел налить, но из носика посыпался один только пепел.

— Урон хозяйству какой! — сердито сказал папа. — Кто ж ставит на плиту пустой чайник?

— А вы живете у моря? — спрашивает мама.

В мамином голосе я уловил, что она не прочь была бы нанести Автандилу ответный визит — летом, на каникулы, со всеми нами.

— Да, — сказал Автандил Эльбрусович. — Всего в двух шагах от моря у меня есть маленький дом, очень большой.

— Ас кем вы живете, с семьей? — допытывалась мама.

— С орлом, — ответил Автандил.

И рассказал, что он у себя дома развел ужей — от мышей. Ужи быстро плодятся, и не успел он глазом моргнуть, как дом закишел ужами. Тогда он купил орла. Случайно. В ресторане у пожарных.

— О, с каким кровожадным клетотом кидался он за моим спаниелем! Раскинув крылья больше, чем у меня руки!.. — и Автандил Эльбрусович раскинул руки, похожие на крылья какой-то черной косолапой птицы.

— У вас и спаниель есть? — спрашивает папа.

— Два! — заявил Автандил. — Херольд Первый и Херольд Второй.

— А где спит орел? — поинтересовалась мама.

— Я ему полочку сколотил. В форме буквы «Т». Он на нее сядет и сидит. Правда, иной раз пуляет.

— Как пуляет? — удивилась мама.

— Хвост поднимет и пуляет, — просто объяснил Автандил Эльбрусович. — На расстоянии семи метров попадал. В стене вмятину делал. И ЧУТЬ ЧЕЛОВЕКА НЕ УБИЛ. Я нес его на плече, а он...

— Давайте переменим тему разговора, — попросила мама.

— Хорошо, — согласился Автандил. — ОДНА МОЯ ПОДРУГА ПОЕХАЛА НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ЛОВИТЬ КРАБОВ...

Его оранжевый ремень становился все оранжевей. А зеленый гребень в волосах — зеленей. Весь Автандил Эльбрусович на глазах разгорался, прямо как заря.

— Матросы, — продолжал он, — вытаскивали крабов из сетей. И она тоже с ними, МОЯ ПОДРУГА.

Дикое веселье поднималось во мне, хотя — чужло мое сердце — ничем хорошим эта история с ПОДРУГОЙ не кончится. Зловещая пауза подтверждала мои подозрения.

— Она взяла краба, — сказал Автандил, — бросила, НО НЕ ТАК, КАК НАДО. И МАТРОСУ ОДНОМУ КРАБ КЛЕШНЕЙ НОС ОТХВАТИЛ.

— Совсем? — мама чуть в обморок не упала.

— Напрочь, — махнул рукой Автандил.

Мама упала в обморок. А папа забеспокоился и спросил:

— Что это за грохот?

Когда все утряслось, они с Автандилом Эльбрусовичем сели играть в шахматы.

Автандил Эльбрусович очень жульничал. Папа рассердился. Но потом смягчился, потому что Автандил Эльбрусович сказал:

— Благодаря моему дедушке (у меня есть с собой его фотография) Батуми был освобожден от турок.

И тут он увидел гитару.

— Андрюха! — вскричал он. — Сыграй, а? Мою любимую!.. — Он обнял меня за плечо, прикрыл глаза и улыбнулся. — МОЙ ДРУГ научил меня ей! — и он запел, сбросив тапочки, с ногами забравшись на стул:

Мы все-е ухо-одим понемно-огу. В ту страну-у, где тишь и благодать!..

Он сидел на стуле, как орел на Эвересте. Глаза блестят, взор вперен в облака. Мама смотрела на него боязливо: не устремится ли этот орел ввысь, не раскошит ли окно?

— «МЫ ВСЕ-Е-Е УХО-ОДИМ ПОНЕЕМО-ОГУ, — с чувством подхватил папа, так же раздувая ноздри и безумно улыбаясь, как Автандил, — В ТУ СТРА-АНУ, ГДЕ ТИШЬ И БЛАГОДАТЬ!!!»

Я прямо зашелся от таких чудесных слов. Я бешено ударил по струнам. А Кит взревел.

— Так не пойдет, — сказал Автандил Эльбрусович.

— Вы меня заглушаете. И вообще, что у тебя за инструмент?

— Отличнейшая гитара, — сердито сказал папа.

На папиной гитаре надпись: «Мотивы дембиля — крик свободы». Кто-то выжиг. И роза. Я раньше думал: кто такой Дембель? Я думал, это иностранный композитор. А это демобилизованный солдат!

— Однажды я сделал себе гитару, — сказал Автандил Эльбрусович. — Просил лучших мастеров, никто, как я хотел, делать не соглашался. «Это все равно, — говорили они, — что просить кривой гроб». Я сделал ее за два года. Пришел с ней и встал во дворе консерватории. Все высыпали на балконы. «Сыграй!» — кричат. Я только струны тронул. Они: «Что это было, слушай! Это же бархат и хрусталь. Нижние — бархат, верхние — хрусталь!»

Тут приезжает гитарист из Испании. Со своей гитарой. «Три тысячи, — говорит, — за нее заплатил! Чистая бразильская ель и палисандр». А у Автандила а Эльбрусовича — адыгейская ель и тута.

Разошлись Автандил Эльбрусович и знаменитый испанский гитарист по разным комнатам. А слушатели столпились в коридоре. И что же? Всемирно известного гитариста от Автандила Эльбрусовича ни один профессор консерватории не смог отличить!!!

— А вы кто по профессии, если не секрет? — папа бросил на Автандила проницательный взгляд.

— Сторож корабля на приколе. Корабль «Титан». Смотрю, чтоб не подожгли. А то он сгорит в пятнадцать минут. ОН ВЕСЬ — ДЕРЕВО И КРАСКА!

Звук полыханья корабля «Титан» я слышал в себе, когда смотрел на Автандила. Я и Автандил — мы одного поля ягода. Я плохо себя чувствую, когда вокруг ничего не происходит. А в жизни Автандила не наступало затишья.

Все мои знакомые взрослые в любой момент готовы уснуть или впасть в уныние. Автандил же Эльбрусович, хоть ночью разбуди, готов поведать волнующую историю или захохотать во все горло.

Он едал пивок, запеченных в гусином жире, в Сирии. Пускал «блинчики» на Белом, Черном, Красном, Эгейском и Мраморном морях. Он — это я, когда стану взрослым. Он казался мне великаном. От него шел такой жар, что я снял рубашку.

Автандил же Эльбрусович надел плащ и прижал к груди шляпу.

— Прощайте! — сказал он. — Спасибо за ночлег. Я еду в Подлипки делиться семенами.

— Семенами чего???

— Моей тыквы. Я вырастил тыкву размером с «Запорожец». Она получила приз — сто лотерейных билетов.

Он обнял меня и вздохнул:

— Жаль, нет фотоаппарата со вспышкой. А то бы все вместе сфотографировались на память.

И он ушел походкой садовода-любителя, без всяких чемоданов, с одной только сумкой — она же сумка, она подушка, она же плавательный баллон. Он уносил в ней тыквенные семечки, фото дедушки, спасшего Батуми от турок, и мое сердце.

— Абракадабра! — сердито сказал папа, как только за Автандилом Эльбрусовичем закрылась дверь. — Не верю ни одному Автандилову слову. И я не потерплю, чтобы какой-то ПУТНИК ЗАПОЗДАЛЫЙ сжигал МОЙ чайник и морочил голову членам МОЕЙ семьи.

— Ты раздражаешься из-за чепухи, — говорила мама. — Он в жизни неустроенный. А сам — фантазер.

— Автандил «тюльку гонит»! — стоял на своем папа. — Терпеть не могу вранья. Подавай мне чистую правду. Говори только то, что было на самом деле!

Папа ходил взвинченный, называя Автандила пройдохой и лапчатым гусем, и вдруг как закричит:

— Люся! Люся! Опять Кит грызет мою стельку!

— Но это не стелька, — сказала мама.

Это была оброненная Автандилом Эльбрусовичем тыквенная семечка размером с папин ботинок.

Кузнечик

— Погода сегодня — молодец, — сказала мама, — не прогуляться ли нам всем вместе?

— Ой, — ответил папа. Он лежал на диване и внимательно разглядывал жучка на стене. — Так прилежался, — говорит, — лежу и мечтаю, что я на пляже — пью кофе, заедая восточными сладостями.

У меня папа огромный любитель побездельничать. Даже кормить рыбок для него непосильное бремя. Мама говорит: «Единственное, что моему мужу можно поручить, — это поймать бабочку». Целыми днями папа лежал на кровати и смотрел телевизор.

— Учись, сынок, — говорил он мне. — Выучишься как следует, будешь жить так же, как и я.

Но все-таки мы уговорили его пойти погулять. С условием, что зайдем в ГУМ — узнаем, нет ли там телевизоров с дистанционным управлением. Это давнишняя папина мечта, а то, хочешь не хочешь, приходится иногда вставать с кровати переключать телевизор.

Идем — мама с папой жуют печеньице, глазают по сторонам, ветер, солнце, небо, облака... Я у них спрашиваю:

— Кто каким бы хотел быть пальцем?

;— Я, — ответила мама, — мизинцем.

— А я безымянным, — сказал папа.

Вот такие вели разговоры.

В ГУМе папа отправился в «телевизоры», мама — в галантерею, разбрелись кто куда: я еле отыскал папу в конце третьей линии на первом этаже. Он ел мороженое и с большим любопытством разглядывал объявление: «КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ, КЕМ ОН БЫЛ В ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ?»

В уголке стоял компьютер, а около него, сидела маленькая толстая тетя с фиолетовыми волосами, очень серьезная.

— Я хочу знать, кем я был в прошлой жизни, — сказал папа.

— Год рождения? — спросила тетя. — Месяц, число и час?

Папа все сказал. Он только час никак не мог вспомнить.

— Кажется, было утро, — говорит папа. — Хотя, постойте! Когда я рождался, мне мама рассказывала, по радио звучали кремлевские куранты и грянул гимн Советского Союза!

— Двенадцать часов ночи, — кивнула тетя.

Эту информацию она вложила в компьютер, и через десять минут пришел ответ:

«Великий писатель девятнадцатого века, гений мировой культуры, общественный деятель, философ, педагог, автор романов «Война и мир», «Анна Каренина», «Севастопольских рассказов»...

— Вы что, шутите? — прошептал папа и вытер о пальто вспотевшие ладони.

— Компьютеры не шутят, — отозвалась тетя.

— Выходит, по-вашему... — пробормотал папа, — я в прошлой жизни... был... Лев Толстой???

— Видимо, да, — серьезно ответила тетя. — Наш компьютер высчитывает сто процентов из ста.

— Нет, вы вообще отдаете себе отчет? — проговорил папа в неопишемом волнении.

Та только руками развела.

Папа вышел из ГУМа огромными шагами, с остекленевшим взглядом, он мчался, как призрак, без руля и без ветрил.

— Что это с ним? — испуганно спросила мама, выныривая из галантереи.

— Он в прошлой жизни был Лев Толстой, — ответил я на бегу.

— Ха-ха-ха! — засмеялась мама.

Папа остановился.

— Ты смеешься, — сказал он. — А это серьезное дело.

— Я всегда смеюсь, — радостно откликнулась мама. — Потому что когда я не смеюсь, я плачу! Миша, Миша, — спросила она, — а я кем была?

— Я не знаю, — ответил папа. — Понимаешь, меня в первую очередь всегда интересует я. А до других мне и дела нету.

— Все, мы погибли, — сказала мама. А папа сказал:

— У меня такой сумбур в голове. Я должен это осмыслить.

Ночью папа лежал неподвижно, как затонувший корабль, но шум папиных мыслей не давал нам уснуть. Время от времени он вставал, включал свет в ванной комнате и смотрел на себя в зеркало со смесью страха, восхищения и изумления. Утром он спросил у меня:

— Андрей, ты знаешь, что такое «пуританин»?

— Нет, — сказал я. — Я знаю, что такое «жилет» и «пипетка».

— Ты тонешь во мраке невежества, — заметил папа.

— Что ты будешь делать, когда вырастешь?

— Я буду делать очки черные от солнца, — ответил я и засвистел.

— «Нет» — глупостям! — высокопарно произнес папа. — «Да» — благоразумному времяпрепровождению!

И стал заставлять меня решать задачу: сколько процентов воды содержится в одном килограмме человека. Он из меня кровь пил, как вампир. Голова моя трещала от знаний.

Хорошо, у меня такая мозговая система — все выветривается, ничего не остается.

— Хватит тратить жизнь, — кричал папа, — на что-то малосущественное! Праздный человек — будущий преступник!

И дал мне работу — ломать ящик. Сначала я расчленил его на доски, потом вытащил гвозди, потом я их выпрямлял, потом все выбросил.

Папа был страшно доволен.

Куда только подевалась его милая привычка сесть в уголок и делать вид, что его не существует? Папа надел красную водолазку, которую он носил до женитьбы, шорты, носки и храбро в таком виде расхаживал по квартире, донимая нас разговорами о том, почему все считают себя вправе ущемлять свободу его личности.

Раньше он задавал нам с мамой вопросы типа:

— А снег во дворе растаял?

— Листья падают? Шуршат под ногами?

— Грачи прилетели?

Теперь он с головой ушел в проблемы государственного устройства, народного образования и политической жизни страны. Он все время маячил перед глазами и на чем свет стоит ругал современное общество, где нет места простому человеческому счастью.

Мама говорила:

— Миша, ты наживешь себе неприятности. А папа:

— НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

И завел себе дневник: «Правила Жизни».

«Вот я смотрю на собаку, — писал он в своем дневнике, — и удивляюсь, как это природа устроила мудро — волосяной покров».

Раньше он ел, что попало, не привередничал, радовался каждому приему пищи, теперь же — как сядет за стол, так давай крутить носом.

— Что вы мне мясо даете? — ворчал он. — Кто это? Чистое или нечистое животное? Чистое — это то, у кого копыто раздвоено, и оно жует жвачку. Например, жирафы и горные козлы. А нечистые — верблюды, зайцы и тушканчики!

Он прекратил убивать тараканов, клопов и комаров. Комары всю кровь из него высосали, а папа смотрит на них с любовью, а ночью чешется и вскрикивает сквозь сон: «Не убий!»

Он без конца навещал соседей — плотнику Павлу Ивановичу и пенсионерке бабе Хасе, спрашивал, сколько они получают и чем питаются. Никто его не просил — по велению сердца папа роздал бабы Хасиным внукам все свои вещи. А Павлу Ивановичу — тот сверх всякой меры употреблял спиртные напитки — взял и подарил мамин неприкосновенный запас: банку растворимого бразильского кофе.

— Какая глыба, а? — отзывался о нем Павел Иванович. — Какой матерый человечище!!!

Я злился, конечно, ругался, но что было делать? Не убивать же родного папу! Тем более, что он засел писать роман, который в свое время начал и почему-то бросил на середине Лев Толстой; «ВСЕ о духовном развитии человека».

Папа работал над этим романом не разгибая спины много дней и ночей, отрастил усы, бороду, грозные нависшие брови, морщил лоб, ширил нос и такой давал взгляд пронзительный, что мы с мамой старались как можно реже попадаться ему на глаза.

Папа плакал, когда относил его в издательство.

— Я вложил в него все, что у меня есть, — говорил он. — Все чувства и весь интеллект.

— Ты — это встреча с прекрасным, — отвечала мама.

Но у моего папы было такое подозрение, что мама хочет одного: получить кучу денег за его роман. Поэтому он тайно от мамы написал завещание, где попросил, чтобы

после его смерти произведения его ни в коем случае не стали моей или маминой собственностью, а были безвозмездно переданы народу.

Сколько с ним было забот и хлопот, сколько ужасов и препятствий. К тому же он стал дико не любить соглашаться. Хлебом не корми, только дай поперечить.

— Всю ночь лил дождь, — говорит мама.

— А мне казалось, — отвечал папа, — что всю ночь светило солнце.

— Да, я теперь не такой безмятежный, как раньше, — заявлял он. — Пашу, кошу, пишу, тружусь в поте лица. Все требуют: государство, народ...

И вдруг по поводу папиного романа приходит письмо. Рецензент Болдырев пишет, что роман плохой, длинный, скучный, совсем никуда не годный, очень плохо написан, а папа — графоман.

— Как так? — папа опешил. — Кто такой Болдырев? Кто это такой? Ни о чем не осведомленный человек! Может, просто ошибка?

И, чтобы доказать, какое этот отзыв досадное недоразумение, отправился в ГУМ за справкой, что он в прошлой жизни был Лев Толстой.

Он шагал — бородатый, в толстовке, подпоясанный, в черных сапогах, с горящими глазами: прохожие оборачиваются, мама бежит за ним, и я тоже бегу, но поодаль, делаю вид, что они не со мной.

Мама кричит на всю улицу:

— Миша! Ты только не волнуйся! Они еще пожалеют об этом.

А папа с мрачной решимостью — прямо к компьютеру:

— Дайте мне справку, что я в прошлой жизни был Лев Толстой.

И называет свой год рождения, месяц, число и час. Мама:

— Ты точно помнишь, что это случилось в двенадцать часов? Ни раньше, ни позже?

— Именно в двенадцать, — уверенно сказал папа. — По радио били куранты и звучал гимн Советского Союза.

— А ты где родился-то?

— На Урале.

— Но ведь там у вас другое время! Никто не знал, как моя мама умеет докапываться до правды.

— Да, — согласился папа, не понимая, куда она клонит.

— Значит, наши куранты у вас били в два...

— Так в два или в двенадцать? — нетерпеливо спросила оператор компьютера.

— Выходит, в два, — простодушно ответил папа.

Та все записала и эту информацию вложила в компьютер.

Через пять минут на экране вспыхнуло:

«КУЗНЕЧИК».

— Что? — бледнея, проговорил папа. — Что там написано?

— «Куз-не-чик», — прочитал я. — Ты в прошлой жизни был кузнечиком!

— Ах, кузнечиком! — повторил папа, не в силах осознать, что произошло. — А каким?

— Маленьким, зеленым, — ответила оператор.

— Так, — сказал потрясенно папа и пошел не разбирая дороги.

— Миша, Миша, не верю, это какой-то ляпсус! — кричит мама. — Ты был Толстой, это видно невооруженным глазом, но только, наверное, не Лев, а Алексей!

Мы проходили мимо трикотажного отдела, и мамино внимание привлек яркий зелененький джемперок.

— Джемпер, Миша! — обрадовалась мама. — Как раз твой размер.

Она сняла его с вешалки и натянула на папу, и папа, впервые за это время, не оказал ей сопротивления. Он стоял — длинный, бледный, в зелененьком свитерке — вылитый кузнечик.

— А что? Мне нравится, — сказал папа, потерянно глядя на себя в зеркало. — Люся, Люся, — тихо проговорил он, — ты моя Полярная звезда.

— А ты мой Южный Крест, — ответила мама.

Мы вышли на Красную площадь. Ветер, небо, облака...

— А я даже рад, — сказал папа и вздохнул полной грудью. — У меня камень свалился с души. А то я подумал, что мне надо продолжать дело Льва Толстого.

Фантом Буздалова

Теперь мы висели один на один, с глазу на глаз, не на жизнь, а на смерть. Он висел ровно и немигающим глазом глядел прямо перед собой, производя впечатление человека, способного с легкостью провисеть жизнь.

Я тоже висел — несгибаемый, с бесстрастным лицом. Я знал: если я упаду — меня ждёт бесславный конец.

Как-то у нас по природоведению была контрольная на тему человека. Мы проходили голову, скелет, лопатки, зубы, уши... Все хохотали я не знаю как! А Маргарита Лукьяновна сказала:

— Кому смешно, может выйти посмеяться за дверью.

И прицепилась именно ко мне.

— Антонов, — говорит она, — ты знаешь, где у человека что?

А я смеюсь, не могу остановиться. Такая чертовская вещь этот смех. Его нельзя сдержать, можно только напрячься, но в этом случае я за себя не ручаюсь.

— Антонов, — сказала Маргарита Лукьяновна. — Я ясно вижу твоё будущее. Ты никогда не принесёшь пользу Родине. И не достигнешь никаких высот. Ты будешь есть из плохой тарелки, дырявой ложкой, спать на диване с клопами и в пьяной драке зарежешь товарища.

Вообще уже учителя дошли! Им даже в голову не приходит, что такой двоечник, как я, может стать садовником. Ведь стать садовником — никаких дипломов не нужно.

Садовником в красных кедах, окучивающим пионы, в кепке и с бакенбардами.

Откуда ей знать, что я сам всех боюсь?

Если я вижу жужелицу в книге, мне кажется, что она меня уже укусила. Когда я был маленький и видел много людей, и что все они идут куда-то, мне казалось, что все они идут убивать дракона.

И вот теперь он — Буздалов. О нём во дворе ходили страшные слухи.

— Видишь — трава примятая? — говорили жильцы. — Здесь Буздалов сидел в одном шерстяном носке и из-за куста подслушивал чужие разговоры.

— Видишь перья? — говорили они. — Это Буздалов ворону съел.

Буздалов — ногти нестриженные, зубы нечищенные, голова, как бицепс на плечах, а первое слово, которое он сказал в своей жизни, — «топор».

Как-то Буздалов допрыгался: ему выбили зуб, а через неделю на этом месте у него вырос новый зуб — золотой.

Я чуть не умер от страха, когда он погнался за мной — хотел пригробить. Но я отвлек его разговором.

Папа говорит:

— Мой Андрюха, хотя и двоечник, но очень способный. Я его отдам в английскую школу, и в музыкальную, и в фигурное катание.

А мама:

— Какое фигурное катание? Ему надо учиться лупасить хулиганов! Нельзя в наше время быть тютей и мокрой курицей.

— Люся, Люся! — отвечал папа. — У каждого из нас есть свой ангел-хранитель. И если кто-то не слышит шороха его крыльев, то это у него с ушами что-то, а не означает, что его нет.

— Но на всякий случай, — говорила мама, — ты должен воспитывать в Андрюне храбрость.

А папа отвечал:

— Я и сам-то не очень храбрый. Я научу нашего сына великому искусству убегать. Ты знаешь, Люся, когда надо убегать? За пять минут до того, как возникнет опасность.

— А если с ним будет девушка? — сказала мама. — И на эту девушку в тёмном переулке накинется головорез?

Я сразу представил себе: ночь, ветер тёплый, совсем не пронизывающий, я и моя девушка возвращаемся из ресторана.

— Это какое созвездие, Андрей? — спрашивает девушка.

— Это Большая Медведица, дорогуша, — отвечаю я.

И тут появляется Буздалов с чугунным утюгом. И перед носом у моей девушки демонстративно накачивает мышцы шеи.

— Хорошее дело, — говорит он, — мускулы качать. Благородное. Ни о чём не думать, только качать и качать. А потом их взять как-нибудь однажды и использовать!..

Я бы дал тягу, но моя девушка — нескладная, неуклюжая, ей не унести ноги от Буздалова. Если я убегу, он стукнет её утюгом и съест, как ворону.

— Я должен спасти свою девушку, — сказал я.

И папа сказал:

— Да, ты должен её спасти.

И он повел меня в секцию боевых китайских искусств при ЖЭКе. В одну вошли дверь — там арбузы продают. В другом помещении встретил нас физкультурник. Сам красный, с красными руками, такой пупок у него мускулистый. Тренер у-шу Александр Алексеевич.

Потные, красные, толпились вокруг его воспитанники. Особенно кто прошел курс, тот выглядел, конечно, смачно. Мы как взглянули с папой — такие лица, такая речь там слышится, — нам сразу захотелось домой.

Но моя перетрусившая девушка, похожая на пингвина, стояла у меня перед глазами, а злоумышленник Буздалов занёс над нею свой утюг.

— Я остаюсь, — сказал я папе.

А папа сказал тренеру:

— Друг! Возьми моего сына в обучение. А то что у нас за семья? Мать больная, прикована к постели — у неё ангина. Я — ты видишь — сутулый, сухощавый. Пусть хоть сын у нас будет громила.

С этими словами папа внёс за меня деньги и пошёл покупать арбуз.

— Китайская борьба у-шу, — начал Александр Алексеевич, когда мы набились в физкультурный зал, — учит избавляться от образа врага. Достаточно представить его себе в деталях, или, как мы — мастера у-шу это называем, — создать фантом.

Я отвернулся и стал смотреть в окно. Какое дуб необычайное дерево! Не липа, не тополь, чего в городе полно. А именно дуб! И жёлуди, я их всегда собираю. Это всё равно как бесплатный подарок.

— Вот он стоит перед тобой — твой враг, — сказал Александр Алексеевич. — И бой с ним лёгок, как щелчок пальцев.

А я думал: «Чего слоны не стесняются без штанов ходить? Такие же люди, только жирные».

— Вы должны ВСЁ вложить в свой удар, — настаивал Александр Алексеевич. — В бою, говорят китайцы, участвуют даже мышцы уха, хотя в ухе мышц нет!..

А я не понимаю, как может захотеться ударить человека? И также я не представляю, как это может чесаться хвост?

— Присел! — вдруг крикнул Александр Алексеевич. — Чем ниже присядешь, тем ты недосыгаемей. Стальной кулак! Удар!!!

По команде мастера секция боевых китайских искусств ринулась поражать образ своего врага. Тысячу синяков им насажали и миллион подглазников.

«Ну, — я подумал, — Буздалов, держись! Отмолочу, никакой бронезилет не поможет!»

И тут я увидел фантом Буздалова. Фантом выжидательно смотрел на меня, и взгляд у него был какой-то недобрый.

Дурак, я всё детство гири не ворочал. Я бы этот фантом без китайской помощи — одной своей русской силой одолел. А так я ему два слабеньких убогих щелчка дал, а он мне как даст два здоровых!

Тогда я его ущипнул и укусил. А он на меня — с утюгом! Это был ужасный миг. Фантом Буздалова припёр меня к шведской стенке. Я закрыл глаза и приготовился к самому худшему.

Бывают же такие беззащитные, как я. У всех на земле есть коронный приём: удар ногой, подсечка или освобождение от захвата. Даже альбатрос может отпугнуть врага! Он отрыгивает переваренную пищу, вися на ветре, чем вводит в смятение любого хищника или неприятеля.

Но и у меня есть тайное могущество: я могу очень долго висеть на перекладине. У меня диплом — там так и написано: «За победу в соревнованиях «Вис»!»

— Послушай, — сказал я фантому Буздалова. — Давай, кто кого перевесит?

Фантом с утюгом замер.

— Зависнем на шведской стенке? — дружелюбно говорю я. — Ты дольше повисишь — твоя взяла. Я дольше — моя.

И он повис — в полной уверенности, что перевесит меня — проще пареной репы.

Повисли за компанию бойцы у-шу, был даже среди них самый настоящий китаец, хотя все думали, что он грузин. Повис и наш мастер Александр Алексеевич.

Народ висел молча, погружённый в свои думы. Один боец упал, за ним второй и третий.

Бойцы срывались и падали со стуком на пол, так что физкультурный зал был устлан павшими бойцами.

С прощальным криком полетел китаец, и я увидел его веснушчатую спину. С верхней перекладины загремел Александр Алексеевич.

Теперь мы висели один на один, с глазу на глаз, не на жизнь, а на смерть. Фантом висел ровно, суча ногами. Я тоже висел, сохраняя свободу и самоуважение. Бойцы у-шу сгрудились вокруг и стали спорить на арбуз — кто из нас победит. Китаец, оглушённый падением, подзадоривал фантома. Остальные, к их чести — болели за меня.

Вдруг фантом закачался, посинел, высунул язык — весь в рытвинах и оврагах — географический язык! — и сделал попытку лягнуть меня ногой.

Ярости фантома я противопоставил свое хладнокровие. Ведь в висении может помочь только висение. Надо тихо висеть и висеть и забыть, что ты можешь не висеть.

По мере того как он скисал, я всё больше и больше воодушевлялся. Шар на елке и плащ на гвозде не висят так спокойно и радостно, как я висел, атакуя Буздалова.

Кислая мина фантома возвестила о его поражении. Он пал духом. А потом и весь рухнул, целиком.

— Нечестно! — закричал он. — У меня в кармане чугунный утюг!!!

А я ему:

— Мне-то что?

Что мне теперь до всего до этого?! Меня ждёт папа с арбузом на лавке во дворе.

— Арбузика хочется! — говорит папа. — Жаль, нечем скибочку отрезать...

Я размахнулся и ребром ладони как расколю напололам арбуз! А из арбуза выскочил красный попугай, весь в арбузных косточках. И побежал в неизвестном направлении.

Синдром Отелло

— Всё, — сказал я, — мне надоело быть хорошим. Теперь я буду плохим. Динку задушу, Крюкова убью лопатой, а сам отравлюсь цианистым калием.

Я был золотой человек, и мне никому не хотелось подкинуть на стул скорпиона. Если мне кто-то сделает хорошее, я отблагодарю, если мне кто-то сделает плохое, я это позабуду. Меня все любили.

— Ты как я, — говорил мне папа. — Меня то все любят, то никто.

— Нет, меня всегда все, — отвечал я ему.

Теперь я хочу одного: сбросить Крюкова в яму с голодными львами. А при имени «Динка» у меня становится жарко в ушах и так страшно колотится сердце, что сосед Войцехов с женою кричат через стену:

— Чем вы там стучите, чем? Нарушаете общественный покой!

Недавно еще я спрашивал у папы:

— Скажи, как это влюбиться? Вот я, — говорил я, — никак не могу влюбиться. А он отвечал:

— Андрюха, не горюй! Хороший человек — он всегда влипнет.

И вот я готов за неё отдать всё: доброе имя, талант, жизнь и летние каникулы. Час без неё приравнивается к суткам. Я хочу, чтоб у нас были дети.

— Пап! — кричу я. — Откуда берутся дети?

— Это ты узнаешь в процессе познания мира, — отвечает он.

А я не могу ждать! Я этого не умею делать. Тем хуже для Крюкова, если при живом мне он будет гулять с Динкой. За лето он сильно вырос, выросли у него какие-то редкие зубы спереди, и он ходил в школу с портсигаром. Я оскорблял учителей, кричал на математике нечеловеческими голосами и бил себя кулаками в грудь, как самец гориллы, чтобы он, Крюков, понял, какой я крутой парень.

А Крюков купил пирожок с повидлом, понюхал его, размахнулся и бросил в меня, как булыжник.

Тогда я решил откусить ему голову.

Перед тем, как откусить, я заявил о своем намерении папе, но родной отец встал мне поперек дороги.

— Сынок! — сказал он. — Ты повредился рассудком. Первое чувство, которым обязан руководствоваться житель нашего района Орехово-Борисово — это чувство здравого смысла. Взгляни на себя: разве ты — это ты? Лоб стал шишковатый, плечи волосатые, и ты разве не видишь, что ты окосел?

— Разве я окосел? — удивился я.

— Да, ты окосел. И окривел, — с горечью добавил папа. — Хочешь, я осыплю тебя подарками, а ты дашь мне честное слово завить своё горе верёвочкой.

И он подарил мне чёрный халат для труда и физкультурный костюм.

— Я мальчик конченный, — сказал я, надев чёрный халат, и застегнул его на все пуговицы. — Я очень приличный, воспитанный, но конченный.

— В таком случае, — вздохнул папа, — я должен показать тебя психотерапевту.

Когда меня вели к психотерапевту, чтобы он избавил меня от моей любви, я слышал пение, кто-то поет в блочном доме напротив часами: а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!.. Над нами летали чайки, белые, как таблетки. Папа вёл меня за руку и говорил:

— Не бойся, Андрюха! Психотерапевт Варезкин — всемирно-известный гипнотизер. Он взглядом разгоняет в небе тучи. Одна бабушка — ей девяносто три года — двадцать лет лежала — не двигалась. А как начала принимать его сеансы, встала и уже четыре раза сходила в магазин. Силой своей мысли Гавриил Харитонович Варезкин мог бы поработить мир! Что ему стоит сделать так, чтобы ты опять зажил припеваючи?

И он распахнул передо мной дверь кооператива «Эскулап».

В подвальном этаже они отгородили угол для великого гипнотизера. Мы заплатили десять рублей и очутились у него за ширмой.

Гавриил Харитонович встретил нас пронзительным взглядом. Я сел около него на стул, и он спросил, разложив перед собой чистую голубую медицинскую карту:

— На что жалуетесь? Я сказал:

— Ка-ка-как его?.. — и начал озираться.

— Умственная отсталость? — спрашивает Варезкин.

— Хуже, — махнул рукой папа и вкратце изложил ему нашу беду, суть которой была в том, что он опасается, как бы я не скапустился от своей первой любви, плюс как бы из его сына не вырос убийца и садист.

— Ясно, — кивнул Варезкин и крупным почерком записал в мою историю болезни: Андрей Антонов. 10 лет. Синдром «Отелло».

— Ты знаешь, кто такой Отелло? — спросил он.

— Это лётчик, — сказал я. — Герой Великой Отечественной войны.

— Герой войны — Гастелло, — говорит Варезкин. — Отелло — герой английской трагедии. Он из-за ревности удушил замечательную женщину Дездемону.

— Просто ни в какие ворота не лезет, — сердито сказал папа.

— Такой человек — всё равно что мопед без руля и без тормоза, — веско промолвил Гавриил Харитонович. — Ты нелюдимый или общительный?

— И то и другое, — сказал я.

— Запоров нет?

— Нет.

Мы помолчали копеек на семьдесят. Варежкин что-то обмозговывал. У него подбородок кривой стал, как турецкая сабля. И он сказал мне, взмахнув этой саблей:

— Раз ты человек таких бурных страстей, тебе надо с ними покончить. Это очень просто. Во-первых, не стоять в стороне от спорта. Второе: поставить перед собой какую-нибудь великую цель: скажем, возродить реку или отреставрировать храм. Есть ещё один способ — впустить в себя океан информации... То-олько не вариться в собственном соку!!! — победоносно закончил он и поднялся, дав нам понять, что вопрос исчерпан.

Не теряя ни минуты, папа купил мне пластмассовую гирию, налил в неё воды и втянул меня в «железные игры». Я накачивал мышцы, как зверь, с полшестого утра до одиннадцати вечера с короткими передышками на школу, обед и сон. С каждым днем мы серьезней и серьезней относились к моим мышцам. Гири в пять килограммов нам показалось мало, и папа купил мне семикилограммовую!.. А мама — десяти!..

Все мои мысли теперь были заняты гириями, и я начал постепенно забывать Динку: Динкин взгляд, Динкин нос, Динкин голос, портфель, пальто, сапоги.

Но когда в школу вместо Динки пришел её папа и сказал, что у нее КАТАР, когда я услышал это слово, я сделал страшные глаза, а он закричал:

— Что ты, что с тобой?!! КАТАР — это такая простуда!

А я уже не слышал ничего, я бежал навещать Динку, неся ей все яблоки, груши, бананы и баклажаны своего сердца.

Но когда перед моим носом в её подъезд вошел Крюков... И зашагал по лестнице, не замечая, как смотрит ему в спину мой злой глаз. Гипноз, Гавриил Харитонович — все пошло прахом.

— Сейчас я разделаюсь с ним, — решил я, — чтоб он позабыл сюда дорогу. Ведь я уже не тот, что прежде. «Железные игры» сделали свое дело. Любой соперник теперь мне был по плечу. Я крикнул:

— Крюков!

Он обернулся. Мы померялись взглядами. Он стоял без шапки на верхней ступеньке лестницы. Я — в шапочке с помпоном — на нижней. Мы мерились и мерялись. И когда мне показалось, что Крюков трезво оценил обстановку и готов отступить, он тут и говорит:

— Ну чего тебе, помпончик?

Я остолбенел. Слово «помпончик» выбило меня из седла. Я был в нокауте до драки.

— У тебя спина белая, — пробормотал я, — давай отряхну...

И он спокойно потопал к Динке, корабль, не знавший кораблекрушений. А я кинулся домой и вылил в унитаз воду из своих пластмассовых гирь.

— Папа! — говорю я. — Всё вернулось.

А он мне:

— Сынок! Едем в зоомагазин? Я куплю тебе лягушку пипу.

— Папа! — кричу я. — Мне хочется две вещи: жениться и умереть.

Так мы опять оказались у Варезкина.

— Андрей, — сказал он недовольно, — ты полностью пустил под откос мою концепцию. Но Гавриил Варезкин не из тех, что бросает пациента на полпути. Тысячу курильщиков избавил я от табакокурения. Я убедил психически больного карликового пинчера в том, что он не кролик. Пять человек благодаря мне восстали из гроба. Мой тебе совет: удиви её!

— Чем? — спросил я.

— У нас в школе, — задумчиво отвечал Варезкин, — многие шевелили ушами, потом культивировалась искусственная отрыжка.

— А мой друг, — радостно подхватил папа, — полковник Чмокин, пленил девушку тем, что здорово хрюкал свиньей и визжал. Только своим этим виртуозным искусством не смог покорить её папу, который заподозрил, что он debil.

— Неважно чем, — подвел итог Гавриил Харитонович. — Главное, покрыть себя неуязвимой славой.

Декабрьскому восстанию тысяча девятьсот пятого года был посвящен у нас в школе лыжный забег. Я связывал лыжи веревочкой, напяливал штаны с лампасами и говорил:

— Чтобы не опозорить честь школы, я туда пойду.

А папа:

— Может, наоборот? Чтобы не опозорить, сиди дома?

Играл в овраге марш Преображенского полка. Динка с лыжами — вся в жёлтом! И я смотрел на нее, смотрел и даже когда не смотрел — смотрел. Народ построился друг за другом. У всех, как у одного, завязаны шнурки.

— Пошёл! — крикнул физкультурник.

Первый Крюков. За ним через пять секунд я. Как я шпарил! Аж уши в трубочку свернулись. Я ничего не видел вокруг, только его, крюковскую спину. Я мчал, дул, летел! А он неторопливо уходил от меня, и чем дальше он уходил, тем громднее становился.

Когда все добрались до финиша и без сил повалились в снег, наш учитель сказал:

— Люди-звери! Кто сможет пробежать второй круг?

— Дураков нет, — ответил непобедимый Крюков.

— Есть, — сказал я, ещё не отдышавшись, и встал, и безумный взгляд бросил на Динку. А она, наконец-то, посмотрела на меня.

— Тогда пошел! — крикнул физкультурник и засек время.

Черный потолок плыл над лесом, дул ветер ледяной, но мысль о том, что я поразил Динку и переплюнул Крюкова, придавала мне сил. Я бежал, бежал, бежал и, уже вырывая на финишную прямую, представил, что сейчас будет! Венок, поцелуи, объятия!.. Кто-то кинется качать — это обязательно. Кто-то заскрежещет зубами от злости, в такой толпе всегда найдётся завистник. Но бравурный марш Преображенского полка заглушит неприятные звуки. Народ отхлынет, и я увижу Динку. Она скажет:

— Андрей! Всегда лучше, когда о тебе думают хуже, а ты лучше, чем когда о тебе думают лучше, а ты хуже!

Для этого случая приготовил я самую свою лучезарную улыбку и начал вглядываться в снегопад, пытаюсь различить встречающую толпу. Смотрю — что такое? По-моему, нет никого! Ужасное подозрение шевельнулось в моей груди. И чем ближе я подъезжал, тем виднее мне становилось, что все давно разошлись по домам.

Я застыл у черты и как дурак улыбался, а кругом расстилались бескрайние вечнозелёные снега.

Тогда я рванул на третий круг. Теперь уж совсем один. Только дятел был в небе. Он время от времени складывал крылья и падал, но потом спохватывался и взлетал — видно, дятлы так проверяют смелость. Вот лыжа сломанная, здесь кто-то замёрз до меня. А у меня вьюга за штанами, и уже снег мне стал нехолодный!..

Я шёл на лыжах по сухой, растрескавшейся земле. Много дней и ночей, не смыкая глаз, под открытым небом. Мимо льда и мяты, полыни, огня и корней, по песку пустынь, по инею на траве, сквозь снежные заносы.

Я падал от жары, мок и коченел, проваливался в полыньи и выбирался на льдины.

На двенадцатом круге я понял, что больше не могу. Я упал, и пока меня заметала пурга, глядел, как загорается последняя заря над Орехово-Борисовом. Глаза мои закрылись, и я очутился в загробном мире.

Слышу, кто-то зовёт:

— Андрей! — и несется вдогонку — такой, какой грузчик бывает — небритый и страшный. Догнал, скинул кроличью шапку — это был Варезкин Гавриил Харитонович.

— Меня бросила жена, — сказал он мимоходом, вырывая к райским кущам. — Я ее задушил, своего соперника Бориса Витальевича Котова убил лопатой, а сам отравился цианистым калием.

Тут его черти окружили — с чугунной сковородкой. Схватили, скрутили, связали, кинули на сковородку, развели под ним огонь.

— Андрюха! — вскричал он. — Андрюха! — папиным голосом. Смотрю — это папа трясёт меня за плечо.

— Вставай, — говорит, — не лежи на снегу, простудишься. Динка ждет тебя у нас дома, зовет в кино.

— Не могу, — говорю я ему, — я умер.

— Нет, сынок, — ответил он, — ты умер не до конца...

...Через месяц я полюбил другую девушку.

Рыбный день

— Эх, не завидую я тем, кто у рыбацкого костра не сидел. Кроты они, а не люди, — говорил наш сосед Толя Мыльников, слесарь. Мы стояли с удочками на берегу Витаминного пруда в Уваровке: я, он и мой папа.

Громко квакали лягушки. Я заметил, как кваканье зависит от солнца. Закроет облаком солнце — кваканье одно, откроет — другое, ветер подует — третье, и комариный писк примешивался к кваканью лягушек.

Мыльников Толя выдёргивал ротанов без передышки. И папа выдёргивал — проверял: висит червяк или нет? Висит.

— Я люблю с червяками возиться, — говорил папа. — Червь, — говорил он, — это нитка, связующая небо и землю.

Вдруг леску потянуло. Я думал, зацепило корягу или валенок. И говорю папе:

— Зацепило.

А папе мне:

— Тащи!

Я потащил — и чувствую, как под водой что-то увесистое тянется, причём, упирается, мечется из стороны в сторону, пытается освободиться от крючка.

Папа кричит:

— Андрюха! Дай я дёрну!

— Не торопись, — говорит Мыльников Толя. — Води, води его на кругах. Глотнёт воздуха — сомлеет.

Ну, я тянул, тянул его, тянул, тянул, тянул и выдернул рыбу — карася. И сразу же оборвалась леска.

Карась был тяжёлый, как сковородка. Серебряный, красноватый. Карась. Настоящий такой карась!

— Здоровый, чертяка, — сказал Толя Мыльников и дружески пошлёпал карася ладонью. — Надо бы его сразу выпотрошить, удалить жабры и натереть изнутри солью.

— Успеется, — ответил папа.

Мы положили карася в пакет и отправились домой. Карась глядел из пакета светлым глазом, а мы с папой гордо поглядывали на карася.

— Карась, Андрей, — говорил папа, — рыба, сходная с осетром, но только мельче. У карасёвых — хорошее вкусное мясо, богатое антирахиическим витамином Д. Это очень питательная, нежная и приятная на вкус рыба!..

Мы стали придумывать с папой, что нам из него мама приготовит на обед.

— Можно запечь карася под майонезом! — говорит папа. — Или запечь его в тесте целиком... Можно съесть отварного с картофелем. Зафаршировать! Или сделать заливное.

— А может, просто пожарим в сухарях? — радостно подхватил я. — Или в сметане?

Так мы и сказали маме, увидев её в саду:

— Сделай нам свежежаренного в сметане карася!

А мама как увидела, что он ещё живой, говорит:

— Фу! Не могу смотреть на угасающие рыбки жизни.

Папа ей:

— А срезанный гриб — тоже страшное зрелище? И можно не выдержать, глядя на его отрезанную ногу?

А мама:

— Я категорически отказываюсь кого-либо отправлять на тот свет.

— Тогда приготовь нам кабачок, — попросил папа.

А мама отвечает:

— Утром как-то не хочется р е з а т ь кабачки.

— Люся, Люся, — не выдержал папа, — тебя никто не просит поросят резать на Рождество. Но кабачок — ведь это совсем другое дело!

— Взгляни на меня, Люся! — папа задрал майку и втянул живот. — Вглядись, какой я! Меня лифт не поднимает, и банки не присасываются к телу. Я понапрасну растратил свою молодость.

— Зато я научила тебя кататься на велосипеде, — сказала мама. — Благодаря мне ты узнал, что такое скорость.

— Скорость — это счастье, — говорю я.

А папа:

— Велосипед в моей жизни — излишество. Я требую неукоснительного режима еды.

— А сколько раз я организовывала чай? — с обидой сказала мама.

— Чтобы прожить жизнь, — папа выпустил карася в таз, — одного, Люся, чая недостаточно! Ты когда-нибудь замечала: едут женщины в метро с огромными сумками? Знаешь, что там у них?

— Нет, — ответила мама.

— У них в сумках убитые животные.

— Не может быть, — прошептала мама.

— Люся, Люся, — папа взял острый нож, — это суровый закон природы. Вон в окне чёрный грач белыми зубами ест невинного козлёнка. Слизень сгрыз селезня. Жаба сжевала кота...

— Съешь плавленый сырок, — предложила мама. — Эрнест Хемингуэй любил плавленые сырки. Как где-нибудь увидит плавленый сырок — весь задрожит. Не успокоится, пока не съест.

— Я хочу съесть животное, — говорит папа. — Любого обитателя гор, лесов или рек.

Карась затаился. Он тихо сидел в тазу и глядел из воды на плывущие облака.

— В конце концов, ужас и смерть ждут каждого! — сказал папа и занёс над ним нож.

В фартуке до земли, без зуба, мрачный совершенно, он начал делать ножом в сторону карася пырятьельные движения. Карась зажмурился.

— Знаешь, пап, — говорю я, пока он никого не ранил и не убил, — вообще у нас всё правильно идёт. Но не совсем.

— Что-нибудь не так? — растерялся папа.

— Надо почитать, как это делается, — говорю я. — По-моему, его стоит вынуть из воды.

— Ты прав, сынок, — согласился папа. — Никто не берётся за это дело без надлежащей подготовки.

Он вынес из дома книгу «О вкусной и здоровой пище», открыл главу «Разделка рыбы» и стал мне вслух читать:

«Живую рыбу, прежде чем начать чистить, надо заколоть: острым концом маленького ножа делают глубокий разрез горла между головными плавниками и дают стечь крови».

Папа поднял голову и долго молчал.

— Ты чувствуешь, как пахнет нагретой крапивой? — спросил он наконец. — А скоро опять будет холодно и темно.

— Давай его закоптим! — говорю. Я понял, что папа хочет избежать кровопролития.

— Хорош карась в копчёном виде! — обрадовался папа. — Как я люблю, — говорил он, собирая стружки и еловые шишки, — когда идёт дождь, и вся семья в сборе, и чистится картошечка, и рыбка копчёная...

Мы разожгли огонь в чугунной печке на огороде, схватили карася и положили на сеточку над горячим дымом.

— Коптись, мокропузый! — сказал папа. А маме сказал он, строптивый и гордый: — Благодарю Бога, Люся, что у тебя есть муж, готовый до самой смерти всех вас кормить и обувать!

Карась зазолотился с боков, его чешуя стала ещё ярче, он весь засверкал, засиял, но даже не подумал прощаться с жизнью.

— Карась, карась! — закричал папа. — Ты почему не сварился в собственном соку?

— Не смей кричать на рыбу, — сказала мама. — Кричать на рыбу — это всё равно что кричать на водоросль.

— Хватит с ним чикаться, — говорит папа. — Сунем его в морозилку. Рыба, замороженная в живом состоянии, если её правильно разморозить, по качеству не отличается от свежей.

Папа завернул карася в газету и положил в холодильник.

Мы постояли, глядя, как солнце садится за тётю Нюрин огород. В Уваровке день нескончаемый — вмещает три московских дня. Можно шесть часов удить, пять — гулять, двенадцать часов спать, восемь — есть, четыре — кататься на велосипеде, а день всё не будет кончаться и не будет.

— Ты заметил, — говорю я, — когда темнеет, какая наступает в мире тишина?

— Я в тоске какой-то, когда темнеет, — отвечал папа. — День умирает, лето скоро отцветёт.

Он прильнул ухом к морозилке и весь превратился в слух.

— Слышишь? Слышишь? — сказал он. — Душа карася расстаётся с телом.

Наутро я проснулся и сразу принялся: не пахнет ли жареной рыбкой? Ничем вкусным не пахло. Я вышел на кухню и обнаружил там маму с папой, нависших над ледяным карасём.

— После отморозения, Люся, — говорил папа, — рыбу надо положить в холодную воду, а то она будет дряблой и невкусной.

Он снова опустил карася в таз. Тот лежал синий, твёрдый, неподвижный, как древесный ствол.

— Умер, — сказала мама и заплакала.

— Эх ты, Люся, как ты на всё реагируешь! — расстроился папа. — Как Сократ бы на это прореагировал? А Диоген?

— То, что ты сделал, Миша, — сказала мама, — ты всю жизнь об этом будешь жалеть.

А папа — низенький такой, в ботинках, шапке, телогрейке — ей говорит упавшим голосом:

— Люся, Люся, теперь на моей могильной плите ты, наверное, напишешь: «Убийца карася».

— Я напишу: «Любитель прогулок», — сказала мама.

Тут я им говорю:

— Друзья! Что за похоронные настроения? Режьте его на куски, жарьте на сковородке и давайте завтракать!

— Не надо завтракать, в желудке будет тяжесть, — сказала мама.

— В желудке тяжесть — на душе легко! — ответил папа и вдруг вскочил как ошпаренный.

Летним полуднем в тени зелёной антоновки и чёрных слив плавал как ни в чём не бывало, бил хвостом по воде оттаявший карась. Два плавника его, торчавших из воды, горели на солнце, а сам он — пружинистый, гладкий, цвета златоустовского клинка, похож был на резиновую галошу.

— Что ж вы такие обормоты-то, а? — сказала мама, утерев слезу. — Не могут карася отправить к праотцам.

— Люся, Люся! — воскликнул папа, ошарашенный сложностью женской природы. — В Уваровке климат очень лечебно-профилактический. Он хорошо действует на эмаль зубов, на царапины и наружную оболочку рта, и приятный холодок пробегает по коже, и не бывает цинги, от которой гибнут отважные моряки. Воздух, щупальца сосны и мох леса не дают карасю проститься с жизнью. Но одно твоё слово, Люся, и я любому горло перегрызу.

Сутулый, грустный, молчаливый папа схватил лопату и бросился на карася. Он оскорблял карася, замахивался на него лопатой, предвещал ему всякие ужасы, грозил, что засолит, как селёдку!..

— Дай я тебе причёску поправлю, Миша, — сказала мама, — а то ты на Гитлера похож.

— А ты, Люся, похожа, — сказал папа, бледный как смерть, — на Маргарет Тэтчер.

Им хорошо, они всегда вдвоём. Это я один да один. Папа говорит:

— Ничего, Андрюха, вырастешь, женишься, тоже будешь счастлив, как я.

А я ему:

— Нет, я, наверное, застеняюсь и буду прятаться, такой большой, под столом.

Я поднял голову и увидел лицо Бога. По нему летели вороны. Облака у него были губы, а солнце — зуб золотой.

— Люся, Люся, — звал папа маму. — Ты взрослая женщина! Свари его живьём в кипящем масле!

А мама отвечала:

— Не могу! Я не могу осознать возраст, не верю, что мне тридцать пять, что у меня десятилетний сын и пятилетний кот Кузя, потому что вся моя жизнь — сплошная весна!

— Так не доставайся же ты никому! — папа взял за хвост карася и швырнул его коту.

— На, Кузька, на, — сказал он, — съешь его со всеми потрохами.

Карась лежал на траве, негибает и величав. Покой и безмятежность, мир, тишина и симпатия к Кузе сквозили во всей его фигуре.

Кузьма напрягся, сглотнул... и не двинулся с места.

— Кузь, — уговаривал его папа, — Кузь!..

Нос Кузи расширился до необычайных размеров, глаза выпучились, изо рта вырывался рык, но он и головы не поднял от крыльца.

— Встать, когда с тобой русский разговаривает! — крикнул папа.

Кузя не шелохнулся.

— Всё, — говорю. — Я его уже не смогу есть.

— А я его уже не смогу нарезать, — говорит папа. — Он личность, он характер, он существо высшего порядка. Таким карасём можно только отравиться.

— Возьми себя в руки, Миша, — сказала мама, — мужчина ты или нет?

— Нет, — твёрдо ответил папа. — Я книжный червь. Я не могу победить живую рыбу. Я могу победить только полуфабрикат. Да и не такой уж я любитель рыбы. Если я мяса день не ем, меня всего трясёт. А если рыбы — то нет.

— В нашей семье вообще, — вскричал он, воодушевившись, — пора покончить и с мясом, и с рыбой! И прекратить пить чай — это наркотик.

Папа заботливо поднял с земли карася и понёс его в таз. А карась — худенький, как голубь, — ласково приник к папиной груди.

Ночью мы все проснулись: залаял соседский Буран. Кто-то, наверно, ходил за окнами — воровал кусты облепихи. Папа отодвинул занавеску и начал вглядываться в темноту, пытаясь различить под яблоней таз с карасём.

— Как там карась, интересно? — слегка разволновавшись, сказал он.

Да и у нас с мамой заныло сердце: вдруг его утащит какой-нибудь злой человек? Или унесёт в клюве горный орёл?

— Это совсем не такая ночь, — сказала мама, — когда маленьким карасям можно сидеть одним в тазах на улице.

Мы отперли дверь и втроём вышли во двор.

Тёмная, тёмная ночь была, очень тёмная ночь, жутко тёмная, звёздная, с месяцем в небе. Месяц отражался в тазу, и когда карась шевелился во сне, то шевелился и месяц.

Пока мы смотрели на карася, он забеспокоился, проснулся и поднял голову.

— Спи, Гриша, — сказал папа и мягко потрепал карася по затылку. Он назвал его Гришей в честь Григория Распутина.

— Надо внести его в дом, — сказал папа и пошёл впереди, взяв в руки фонарь. Идёт — такой нелюдимый, в пижамных штанах, с тонкими руками. А мы за ним — я и мама — тащим таз.

— Ты мой тупорылый, — бормотал папа, засыпая, — ты мой пучеглазый...

Первое, что он спросил, проснувшись:

— Люся, ты кормила Гришу?

— О жизни карасей мы знаем очень мало, — сказала мама. — Что они любят? Чего терпеть не могут?

— Дай Гришке риса, — говорю я. — Рис похож на личинки жуков-плавунцов.

— Дай лучше гречки, — говорит папа. — Гречка похожа на жареных блох.

А сам несёт уже карасю намятый хлеб в пакете. Я случайно чихнул возле таза с Григорием, так папа меня за это чуть не уколошил.

— Чихает прям! — закричал он. — У меня хлеб открытый! Я карася кормлю этим хлебом. А он чихает!

Маму посылает в магазин, кричит:

— И карасю что-нибудь купи!

Мама Григорию принесла куриные шеи.

— А я видел, несли бедро коровы из магазина! — с упрёком говорил папа.

Наконец, мама сказала ему:

— Отпусти Гришу, Миша. Пусть сам себе добывает пищу. Он решил, что у нас можно как сыр в масле покататься. А нам самим не хватает еды.

Стало уже темнеть, когда мы тронулись в путь. Папа нёс Гришку в целлофановой сумке. Налил туда воды и идёт, а навстречу нам Толя Мыльников — рабочий человек в больших-пребольших кедах.

— Ну как жизнь? — Мыльников Толя сунул папе свою мозолистую руку.

Папа ответил:

— Мы живём хорошо, задавленные делами и неприятностями.

А Толя Мыльников:

— Это вы всё того карася, — говорит, — никак не укантрапупите? Я за вами из-за забора давно слежу, как вы мучаетесь. Дай-ка я его головой об пень хряпну!

— Ты что?! — закричали мы. — Не дадим Григория убить!

На берегу Витаминного пруда папа вынул карася из пакета и похлопал его по плечу:

— Хорошо, карась, — сказал он, — пльви, отдыхай, набирайся сил, звони нам, пиши и всё в таком духе!

Григорий бухнулся в пруд к лягушкам и пиявкам, не затаив никаких обид. Его карманы были набиты гостинцами. Мама забросала его георгинами и пожелала счастливой жизни.

— У карася жизнь недолгая, — сказал Толя Мыльников, — до следующего крючка.

— Теперь он не такой дурак, — ответил папа.

Крокодил

Я и Рубен — мы всё время смеёмся. Нам, когда мы вместе, ужасно хохотать хочется.

— Вот и дружите всегда, и не ссорьтесь, — сказал нам наш классный руководитель Сергей Анатольевич. — Станете такие два старичка — «ха-ха-ха» да «хи-хи-хи» — надо всем заливаться. А сейчас, — говорит, — у меня к вашему третьему «Г» СЕРЬЁЗНОЕ ДЕЛО. Будем выдвигать кандидатов в пионеры. И не просто выдвигать, а приводить причину почему.

Рубен выдвинул меня. Если б он меня не выдвинул, то бы и я его не выдвинул. Так что он меня выдвинул.

— Я выдвигаю Андрюху Антонова, — сказал Рубен, — за то, что он редко дерётся, средне учится и не обижает маленьких детей.

Я покраснел и стал улыбаться.

— Кто «за»? — весело спросил Сергей Анатольевич.

Косолруков говорит:

— Я против. Я Андрюху давно знаю, мы с ним ходили в один детский сад. У него есть отдельные недостатки.

— Нет у него недостатков, — угрожающе сказал Рубен.

— У Андрюхи недостатков хоть пруд пруди, — не дрогнул Косолруков.

Трудно Косолрукову не вести себя самодовольно. Он везде первый — и в учёбе, и в труде. Он даже вёл записи, кто первый ученик класса, кто второй... И себя везде ставил первым.

— Объяснись, — попросил Косолрукова Сергей Анатольевич.

Стояла ранняя весна. Сергей Анатольевич, начиная с апреля, ходил в сандалиях на босу ногу. На выдвижение в пионеры явился он в новых брюках — прямо из ателье. Брюки Сергея Анатольевича оглушительно шуршали, стояли колом, кругом оттопыривались ложные карманы! А на спинке учительского стула висела тряпичная сумка в цветок, откуда выглядывали старые брюки Сергея Анатольевича — голубые, сто раз залатанные и зашитые его мамой.

— Дело прошлое, — сказал Косолруков. — Когда нас с Антоновым сдали в младшую группу, он сразу оторвался от масс.

— Как это ему удалось? — удивился Сергей Анатольевич.

— А он удрал! — говорит Косолруков. — Главное, несётся по улице. За ним нянечки, воспитательница, мама Андрюхина, Андрюхин папа! А он бежит и отстреливается!..

— Не понял, — сказал Сергей Анатольевич.

— У него был ИГРУШЕЧНЫЙ пулемёт! — вскричал Рубен, чувствуя, что Сергей Анатольевич подумал, будто я уложил на месте штук десять нянечек, воспитательницу, родную мать с отцом и единственную на три детских сада медсестру.

— Факт остаётся фактом, — сказал Косолруков. — Антонов всё детство не расставался с пулемётом. И мне записку прислал с ошибками в каждом слове: «Гитлер! Надо нам побольше солдат! Целую, Геринг!»

— Ну, брат, — сказал Сергей Анатольевич, — за давностью лет это дело Антонову простится.

Я посмотрел на него, а он на меня. У него было такое настроение хорошее. Жёлтый куртончик — коротенький, как у матадора, заплатка на локте — и очень ровно подстриженная чёлка.

Помню, я в первом классе залез на гору в овраге, а слезть не мог. Тогда он залез туда тоже и сказал: «Пошли, не бойся! Ведь у нас с тобой ЧЕТЫРЕ НОГИ!»

— Но это не всё, — говорит Косолруков. — Антонов яйца красит и празднует пасху. А октябрятам нельзя справлять пасху, так как это не ленинский праздник.

— И правда, — вдруг согласился Сергей Анатольевич. — Пускай Антонов пообещает, что он больше не будет красить яйца.

Первое, что я хотел, — это пообещать. Что может быть проще пообещать не красить яйца! Но тут я вспомнил, как мы с папой красим их в кастрюльке с кипятком в луковой кожуре. Мы их опускаем туда белыми, похожими на зиму и снег. А вытаскиваем — рыжие. «Рыжие яйца, — говорит папа, — олицетворяют жизнь и весну!»

— А я видел во сне Бога, — сказал Рубен, пока я раздумывал, обещать бросить красить яйца или нет.

Тут все к Рубену стали приставать, где он его видел — дома или на улице?

— На улице, — отвечал Рубен. — Мне все сны снятся на улице.

— А какой он? — спросил Сергей Анатольевич.

— Настоящий армянин, — ответил Рубен.

Вопрос о яйцах оставался открытым.

— Да ну их, эти яйца! — сказал Сергей Анатольевич. Он понял, КАК я хочу вступить в пионеры. И как не хочу отречься от яиц.

— Тем более, — вскричал Рубен, — что Андрюха, когда помойку выносит, всегда скорлупу складывает в отдельное ведро! Ведь это кальций, полезный свиньям! Видите, он какой — думает и заботится о свиньях, которых даже никогда не видел и, может быть, даже не увидит!

— Зато он на бабушку с балкона... — крикнул Косолруко, — СБРОСИЛ МЫЛЬНИЦУ С МЫЛОМ!!!

— Андрюха не нарочно! — вскричал Рубен. — Он пускал мыльные пузыри! Мыльница сама свалилась на бабушку, не причинив ей никакого вреда!..

— Нет причинив! Мыльная пена, наверное, попала старушке в глаз, и ей его ЗАЩИПАЛО!!! — кричал Косолруков, а из ушей у него вылетали кукушки.

Гвалт стоял невообразимый. Рубен превозносил меня до небес. Косолруков же изо всех сил напирал на мои недостатки. Он сказал, что я жмот, что я непунктуальный — везде опаздываю и никого не уважаю, а мой папа, оказывается, заявил папе Косолрукова, что я — это надругательство над его мечтой о ребёнке.

Я хотел ответить, что и у Косолрукова есть один недостаток: он преклоняется перед иностранными ручками. Он мне сам говорил, что у НИХ в шариковых ручках стержни лучше! А я ему дал отпор, что зато у нас лучше, чем у них, чеснок!..

— Люди! — взмолился Сергей Анатольевич. — Если мы каждого ТАК будем обсуждать, то в какой-нибудь тевтонский орден вступить и то легче, чем в пионеры!

— Каждого, — сказал серьёзный Косолруков. (А у самого такие малиновые уши!) — Разве из Антонова выйдет пионер, ЕСЛИ ОН БОИТСЯ КРОКОДИЛА?

— Какого крокодила??? — спрашивает Сергей Анатольевич.

Тут наступила тишина. И если клоп прошёл бы по классу, то были бы слышны его шаги. Дурак я рассказал Косолрукову. Я ведь не знал, что он растрезвонит. Я сразу так себя почувствовал, как будто наелся до отвала ненавистными пельменями. Да ещё пять сосисок дали на сверхосыточку.

Тогда я встал и сказал:

— Боюсь, я не подхожу в пионеры. У меня дома под кроватью лежит крокодил. И я боюсь ночью руку свесить или ногу. Боюсь, он мне что-нибудь отхрюпает.

— Бред какой-то. — Сергей Анатольевич сел на стол. — Ты что, его видел? ВООЧИЮ?

— Нет, — ответил я. — Но я на него не смотрю.

— Ясно, — сказал Сергей Анатольевич. — А ты, Косолруков, не боишься крокодила?

— Нет, — ответил Косолруков безо всякого сомнения.

— И ты мог бы всю ночь с глазу на глаз просидеть с ним в одном помещении? — спрашивает Сергей Анатольевич, а сам так пронзительно смотрит.

— Пионеры — смелости примеры! — слегка поёживаясь от этого взгляда, ответил Косолруков.

— Тогда вперёд! — сказал Сергей Анатольевич и снял со стула сумку. — Мой друг Саша Кац работает в зоопарке заведующим отдела рептилий. Я попрошу, и он оставит Косолрукова наедине с самцом нильского аллигатора.

— Я не могу сегодня, — сказал Косолруков.

— А завтра?

— Завтра не могу!

— А послезавтра?

— Послезавтра тоже!..

— А после послезавтра?..

Вот так нас всех приняли в пионеры.

Послесловие

Марина Москвина — автор детских и взрослых книг, романа «Гений безответной любви», повестей-странствий: в Гималаи — «Небесные тихоходы», в Японию — «Изголовье из травы», в Непал — «Дорога на Аннапурну». Книга на любой возраст — «Моя собака любит джаз» была удостоена Международной золотой медали Андерсена. Около десяти лет на «Радио России» она выходила в эфир с авторской развлекательно-философской программой «В компании Марины Москвиной» и десять лет вела мастер-класс по развитию творческих способностей и обучению искусству письма в Институте Современного Искусства на факультете журналистики.

Руководство по взаимной любви

«Обрушивать, обрушивать на ваши головы миры, о которых вы в своем уже вполне преклонном возрасте почему-то никогда и не слыхали — вот моя скромная задача!» Когда начинаешь читать тексты Марины Москвиной, мир действительно обрушивается на тебя невиданными красками, запахами и звуками. Так бывает, когда весной в доме моют окна — кусок города и неба начинает вдруг сиять, трепетать, петь, взгляд становится ясным и кажется, что вот-вот все начнется снова. Марина Москвина — это та самая, которая написала гениальную книжку на любой возраст «Моя собака любит джаз», лиричнейший роман «Гений безответной любви», несколько книг-странствий и много-много еще всяких прекрасных текстов. А еще у нее совершенно невероятная улыбка — женщина с такой улыбкой способна не то что неведомый мир вам на голову обрушить, она способна научить этот мир любить и добиваться от него взаимности. Марина десять лет вела мастер-класс по развитию творческих способностей в Институте Современного Искусства. Книга «Учись видеть», вышедшая в молодом интеллигентном издательстве «Гаятри» — практически конспект этого семинара, дополненный работами учеников Марины, ее собственными наблюдениями и воспоминаниями и вереницей забавных и пронзительных фотографий.

«Творчество — это внутреннее состояние, иное качество существования, плодородная жизнь, разумная, щедрая, избыточная... Только любовь может сравниться с творчеством, но ведь одно не исключает другое. Лишь медитация и молитва превосходят его, однако ни в коей мере не упраздняют».

Чему учит Марина Москвина своих студентов? Читать Шергина, Соколова-Микитова, Ковалева, Акима, еврейского философа Мартина Бубера, Уильяма Сарояна, Туве Янсон и Жюль Верна. Ловить детали. Вести дневники. Переписывать от руки гениальные тексты. Создавать портреты. Воспитывать собственную неповторимость. Воспринимать творчество как приключение. Верить в чудо.

«Два человека решили сбежать из сумасшедшего дома. Ночью они подошли к ограде, один зажег фонарик и сказал: — Давай, поднимайся по лучу. А потом протянешь мне руку. — Ну да, — подозрительно ответил второй, — Я пойду, а ты на полпути выключишь свет! ... Но вы, мои друзья, должны быть абсолютно уверены, что когда фонарик гаснет, луч остается».

Москвину хорошо дарить циникам, депрессантам, мрачным интеллектуалам и потерпевшим какое-либо жизненное поражение. Она заряжает. Она помогает жить — очень сильно помогает, получше любых психологических практик, проверено на людях. Огромная радость к ней прислушиваться, еще большая радость — открыть, что ты уже умеешь что-то из того, чему она учит. И когда читаешь ее книги, непременно хочется заплакать: от радости — что живешь, и, елки, тянет на пафос — от сопричастности миру, открытому заново — прекрасному и удивительному. «При наблюдении за этим миром ОБЯЗАТЕЛЕН горячий взгляд, исполненный любви. Иначе ты не наблюдатель божественной игры, а просто негодяй».

Оглавление

- Осень моего лета
- Моя собака любит джаз
- О, швабра, швабра, где моя любовь?
- Наш мокрый иван
- Сейчас он придет, и будет весело
- Блохнесское чудовище
- Хобби
- Все мы инопланетяне на этой земле
- Репетитор
- Путник запоздалый
- Кузнечик
- Фантом Буздалова
- Синдром Отелло
- Рыбный день
- Крокодил
- Послесловие